

Оксана Панкеева

Люди и призраки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Хроники странного королевства

Оксана Панкеева

Люди и призраки

«Автор»

2004

Панкеева О. П.

Люди и призраки / О. П. Панкеева — «Автор»,
2004 — (Хроники странного королевства)

Даже когда кажется, что все пропало и ничего уже нельзя исправить, не стоит опускать руки. Упорство, сила духа и верные друзья помогут преодолеть любые несчастья, и в этом в очередной раз убеждаются наши герои.

© Панкеева О. П., 2004

© Автор, 2004

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	43
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Оксана Панкеева

Люди и призраки

ПРОЛОГ

Жил-был, как и полагается в приличной сказке, король. Его величество Шеллар III. И решил он, как во всякой сказке, жениться. Долго он с этим вопросом тянул, морочил головы и подданным, и наставнику, но в конце концов нашел себе невесту. Куда уж деваться – слово дал, жениться надо, а тут и любовь с нареченной, как по заказу, да похоже, на сей раз наконец счастливая... И все бы хорошо, только зловещее пророчество омрачало столь радостное событие: предсказали его величеству, что в день свадьбы потеряет он любимую невесту – и не переживет этой утраты. Но упрямый король не отступил, решил все же переспорить злодейку-судьбу, и это у него почти получилось...

Давно королевский замок в Даэн-Риссе, столице славного Ортана, не видел такого количества рыдающих коронованных особ одновременно. Если бы умирающий король мог сейчас подняться и взглянуть на своих родных и друзей, он был бы приятно удивлен, ибо даже не предполагал, как сильно его любили.

Не стыдясь своих слез, утирала единственный глаз молодая жена, отважная воительница Кира. Девушка, которая не побоялась сразиться с драконом, но очень долго сомневалась, стоит ли ей выходить замуж и нужна ли она кому-то по-настоящему после полученного увечья.

Громко сопел и шмыгал носом любимый кузен Шеллара, принц-бастард Элмар, украдкой смахивая слезу, ибо не пристало воину плакать. Неуместно и нелепо выглядит плачущий мужчина пяти с половиной локтей ростом, особенно если он первый паладин короны и великий герой, воспетый в балладах и поэмах. Но даже он не мог сдержать слез.

Чего уж ожидать от королевского шута, от природы наделенного чувствительностью и способностью к состраданию сверх положенной мужчине меры... Бедняга Жак поначалу едва чувств не лишился, ибо решил, что его друг и повелитель уже мертв, а при виде покойников шут имел свойство падать в обморок подобно даме. Возможно, в его родном мире это и считалось нормальным и, возможно, если бы чуть побольше народу об этом знало, к нему относились бы снисходительно, но тайну своего происхождения Жак упорно скрывал. Лишь избранным было известно, что этот веселый юноша вовсе не поморский эмигрант, а переселенец из другого мира.

Переселенцы были здесь обычным явлением – время от времени они появлялись ниоткуда рядом с телом умершего мага. Или же возникали в руках неопытного ученика вместо какой-нибудь полезной вещи, за которой тот пытался магическим путем дотянуться, но промахнулся. Если люди оказывались живыми (что было не так часто), они становились новыми подданными Ортана, поскольку назад вернуться было невозможно. Ведь перемещались только те, кто мгновение назад умер в своем мире. Невезучий хакер Жак погиб при попытке добраться до чужой информации, слишком серьезно защищенной от взлома, и по иронии судьбы попал в мир, где его таланты и умения мало кому могли пригодиться – компьютеры, как и многие другие привычные Жаку, да любому жителю XXII века, чудеса техники в этом мире изобретены еще не были. Неунывающий компьютерный гений немного погрустил и... подался в шуты.

Причины скрывать свое истинное происхождение у Жака были очень даже серьезные. До своего появления в Ортане он успел побывать в Мистралии, и его до сих пор разыскивала мистралийская разведка. В тайном исследовательском центре остро требовались переселенцы

с техническим образованием. Кроме того, бывший хакер, убегая из тюрьмы Кабель Милагро, перепортил кучу уникальной аппаратуры, в этом мире непроезжимой, и прихватил с собой государственного преступника, что ни в каком мире не остается безнаказанным. Под защитой короля Жаку нечего было бояться – Шеллар III, бывший руководитель службы безопасности, знал свое дело и ухитрился спрятать переселенца на самом видном месте – при дворе. Собственно, бояться было нечего и теперь, но вот так по-глупому потерять друга... Кто бы мог подумать, что все так получится? И чем не угодил бедный король старшей из хинских императриц?

Последним вопросом задавался и господин Флавиус, глава Департамента Порядка и Безопасности. В отличие от прочих близких друзей его величества, этот господин не имел возможности в полной мере выразить переполнявшую его скорбь, так как был чрезвычайно занят. Первым делом следовало вырвать злоумышленницу из рук младшей хинской императрицы и королевы Галланта, которые могли невзначай нанести коллеге несовместимые с жизнью повреждения и лишиться главы департамента возможности ее допросить. Затем организовать надежную охрану для препровождения преступницы в подходящее место и лично провести предварительный допрос. Попутно постараться максимально быстро и категорично отвязаться от императора, независимо от того, пожелает ли его величество защитить супругу или собственноручно свернуть ей шею. А также проследить, чтобы собственные сотрудники невзначай не помяли преступницу сильнее, чем следует... Словом, на ближайшие несколько дней глава департамента был обеспечен срочной работой. А уж потом, после коронации нового правителя, можно будет и своими делами заняться. Оплатить все счета, заверить завещание, сходить в баню, достать из ларца ритуальные ножи и обратиться к его величеству за высочайшим позволением на единственно возможный вариант отставки.

Не было времени на слезы и у придворного мага, даже когда почтенный мэтр Истран убедился, что медицина в данном случае бессильна. Поскольку короля в бессознательном состоянии унесли в его покои, а от потрясенного первого наследника бесполезно было бы требовать каких-либо разумных действий, кто-то должен был навести хоть видимость порядка в охваченном паникой зале. Выставить всех лишних гостей, в особенности близкого к обмороку Жака и ревушую в три ручья Ольгу, которая так и не успела добраться до королевской ложи и добавить коварной императрице пару пинков от себя лично. Наложить успокоительное заклинание на юного принца Мафея, ибо чувствительный полуэльф под действием стресса мог опять выпустить из-под контроля Силу и что-нибудь разнести, как в детстве. Объяснить, кому куда бежать и что делать. И желательно поскорее, чтобы успеть еще проститься с любимым воспитанником в подходяще торжественной обстановке... А также вразумить принца-бастарда Элмара, потолковать с придворным мистиком, сказать хоть несколько слов утешения несчастной королеве и еще раз проверить состояние принца Мафея...

Сам принц Мафей тихонько плакал в укромном углу, не обращая внимания на всеобщую панику. То ли заклинание наставника подействовало благотворно, то ли у парнишки просто не было уже сил на бурные истерики, то ли он просто был морально готов к случившемуся. Ведь он знал все с самого начала. Юный ученик мага обладал способностью к предвидению – ему снились иногда вещие сны, которые всегда предвещали опасности и неприятности близким людям и просто знакомым. И печальный финал свадьбы любимого кузена Мафей тоже видел, хотя и немного не так, как получилось на самом деле. Правда, до сих пор все, что ему снилось, сбывалось без таких трагических последствий! Братец Элмар потерял соратников в битве с драконом, получил серьезную травму, но остался жив. Жак отделался испугом и обмороком. Кузен Шеллар был ранен, но нетяжело, и через пару дней уже носился по дворцу, наводя свои порядки везде, куда мог дотянуться. От предсказанных Мафеем несчастий до сих пор никто не умер, и Шеллар так надеялся на эту странную закономерность... И вдруг вот так... Может, и не следовало ему ничего рассказывать? Может, если бы Шеллар позволил событиям идти

своим чередом, все и на этот раз обошлось бы? Ведь в своем стремлении поспорить с судьбой король сам подставился под отравленный дротик, который предназначался вовсе не ему... Если бы Мафей не послушался и сохранил свой сон в тайне... И если бы его приятель Орландо не попытался проверить предсказание своим способом, и если бы он не узнал, что причиной несчастья будет покушение на королеву, и если бы не сказали об этом Шеллару... Может, все было бы по-другому?...

Мафей проводил взглядом друзей, покидавших зал. Жака вела за руку его невеста Тереза, тоже переселенка, но, в отличие от королевского шута, очень сдержанная и скромная. Возможно, верующие люди иначе воспринимают несчастья и вера помогает им противостоять горестям. А может, просто разница в воспитании и темпераменте. Несравненная Азиль, подруга Элмара, ненавязчиво тащила за рукав Ольгу, которая самым неподобающим образом утирала нос рукавом бального платья, норовила закурить прямо на ходу и вслух ругала хинскую злодейку словами, за которые сам принц получил бы от наставника лекцию о правилах поведения часа на полтора. Вообще сама идея наряжать Ольгу в приличное платье заранее была обречена на провал. Почему было не разрешить ей присутствовать на королевской свадьбе в мужском костюме? Победителям драконов можно простить некоторые слабости. Тем более переселенцам.

Ольга, как и Жак, появилась в этом мире недавно, но уже успела прославиться на все королевство. Мафей, вспоминая переселенцев, которыми ему случилось пополнить население страны, всегда втайне гордился тем, что именно он выдернул из лап неведомого маньяка эту во всех отношениях замечательную девицу. Не будь ее, неизвестно, как бы сложилась судьба королевской семьи да и всех подданных его кузена Шеллара. Именно под идейным руководством Ольги и благодаря ее уникальным способностям игнорировать иллюзии девушки, предназначенные в жертву дракону, смогли победить эту злобную, но очень разумную рептилию. Дракон-маг, который десять лет терроризировал две страны и которого безуспешно пытались извести множество героев (включая настоящего героя – Элмара), пал от рук тех, кто должен был стать его собственными жертвами, и этому невероятному событию до сих пор не уставали радоваться все граждане королевства Ортан. После столь знаменательных событий светское общество перестали раздражать экстравагантные наряды и не особо изысканные манеры этой странной девушки, а кое-что даже стало пискom моды для многочисленных придворных.

Юный принц Мафей прислушался к затихающему в коридоре монологу Ольги, мимоходом запомнил новое слово и вернулся к невеселым размышлениям о судьбе, которую невозможно обмануть. Бедная Ольга еще не знает, почему на сегодняшнем торжестве не присутствует ее возлюбленный, думает, что просто не смог приехать или не пригласили... Да нет, пригласили бы, если бы не все те же проклятые предсказания, имеющие свойство сбываться. Но мистральский повстанец Кантор имел несчастье тоже стать главным персонажем вещего сна. И, судя по тому, что товарищи который день не могут его найти, скорее всего, действительно попал в руки палача, хотя и был своевременно предупрежден. Правильно сказал тогда Элмар – если воина посылают на задание, отказаться он не может, даже если точно будет знать, чем все закончится. Таков путь воина. Такова Судьба. Такова Жизнь.

Тем временем в опустевшем зале остались только безутешные родственники короля и сотрудники Департамента Порядка и Безопасности, занятые сбором вещественных доказательств и составлением рапорта. Мэтр Истран что-то тихонько сказал Элмару и Кире, затем поискал глазами ученика и кивком пригласил его следовать за собой. Мафей послушно покинул укромный угол и направился к выходу, продолжая мучительно гадать, правильно ли он поступает, рассказывая о своих снах, и не его ли болтливость всему виной.

«Если Шеллар умрет, а Кантор все-таки выкрутится, – мысленно пообещал он сам себе, – я больше никогда и никому ничего не скажу. Если окажется, что принять судьбу безопаснее, чем сопротивляться, лучше ничего людям не знать и не делать себе же хуже».

Глава 1

*– Здравствуйте! Я – Каспер, дружелюбное привидение.
Из мультсериала о Каспере*

Сначала Кантор увидел уже знакомые сверкающие сапоги. Это начинало раздражать. Затем повел глазами в сторону и наткнулся на дамские туфельки. Изящные, на высоком каблуке, из светло-серого бархата, украшенные по бокам такими скромными камушками – стоимостью тысяч по шесть каждый. Из туфелек далеко вверх взмывали две стройные женские ножки в шелковых чулках. Кантор приподнял голову, по привычке исследуя ножки взглядом, и отметил про себя, что такие короткие платья позволяют себе носить только волшебницы. Ну еще Ольга, но она не в счет. Если уж она уверяла, что в их мире можно спокойно выйти на улицу в том ее черном наряде, едва прикрывающем самое сокровенное...

Стоило Кантору вспомнить об Ольге, сердце тут же мучительно заныло. Ведь и о любимой девушке они узнают, вот что ужаснее всего. Ребят просто так не найти, мистралиец в самом деле не знал, где они сейчас, куда делись или как скрылись. Амарго... где он в настоящее время, Кантор тоже не очень представлял себе, но ведь знаний об этом человеке столько, что по ним его легко будет обнаружить... как и много другого лишнего. А еще он очень хорошо знает, где живет Ольга, которая ему очень дорога и которую умный человек не преминет использовать для давления на несговорчивого товарища Кантора... хотя, впрочем, что это он ерунду гордит, на кой сдалась им Ольга, сейчас эта волшебница в туфельках с брюликами просканирует его до самых печенок, доложит боссу все, что тот хотел знать, а потом Кантора просто убьют за ненадобностью... Надо же было так облажаться с этим палачом! Ведь в самом деле специалист, так его разэтак... Наверное, всяких объектов за свою жизнь навидался, всевозможных степеней шустрости, и точно знает, что с пленниками делать. Табуреткой в спину запустил, сволоочь, и рука не дрогнула!

– Это он? – брезгливо произнес откуда-то сверху низкий женский голос. – Умыть не могли? Мне к нему, между прочим, руками прикасаться!

– Простите, мэтресса Джоана, – уже не властно, а как бы извиняясь, произнес голос, принадлежавший сверкающим сапогам. – Это он умытым так выглядит. Видите ли, до вас с ним работали другие специалисты...

– Плюшевый Тедди? – презрительно произнесла волшебница. – Оно и видно. Могли бы сразу меня пригласить.

– Нет, что вы, Тедди работает аккуратно, и на лице его работа не видна. Ребята помяли, когда брали.

– Ладно, это не столь важно, давайте начнем. Ты, ущербное создание, прекращай пялиться на меня и вставай. Недаром говорят, что все мистралийцы сексуально озабоченные. Чуть жив, а на дамские ножки вытарачился. Небось уже и в эротические фантазии ударился?

Кантор, хотя и знал, что его наглый язык никогда не доводил его до добра, все же не удержался и ответил:

– С тобой? Да иди ты! Ты, поди, еще моему прадедушке давала в позе «крестьянка на морковной грядке»...

К счастью, мэтресса Джоана оказалась дамой не очень вспыльчивой, и уворачиваться от бархатной туфельки не пришлось. А сапоги почему-то не стали вступаться за честь дамы, тоже к счастью.

– А Тедди он что-то подобное говорил? – с интересом спросила волшебница.

– О, – ответил господин Крош. – Тедди он крыл таким матом, что стыдно процитировать.

– Ну что ж, – усмехнулась дама. – Тогда приступим. Приподнимите его немного... и уберите с висков эти грязные лохмы.

Кантор подумал, что надо попробовать сопротивляться, и стал падать.

Вокруг него был серый с синим отливом туман, густой, как сметана, и в этом тумане, беспорядочно мигая, вспыхивали и гасли оранжевые огоньки. Волшебница стояла рядом, сквозь туман смутно просвечивали ее силуэт и черты лица, а протянутые к пленнику руки были видны очень отчетливо. Особенно непомерно длинные пальцы с иглами в четверть локтя вместо ногтей, которые красотка как раз норовила вонзить Кантору в голову, мило при этом улыбаясь и ласково приговаривая:

– Ну же, дружок, не упрямься, покажи тете, где спрятались твои друзья...

– Хрен тебе! – отчаянно рванулся Кантор, пытаясь увернуться от этих игл, которые, казалось, окружили его со всех сторон. Он почему-то вспомнил, как в этих случаях выражалась Ольга, и добавил: – Моржовый.

И поскольку уклониться было очень и очень сложно, наотмашь ударил по протянутой руке ребром ладони. Джоана коротко вскрикнула и поджала ушибленную лапу.

– Ты что, маг? – удивленно спросила мэтресса. – А они меня не предупредили... Это им обойдется в изрядную дополнительную сумму. Одно дело сканировать простого смертного, и совсем другое – мага, который сопротивляется. Но ты не особо заносись, магов я тоже сканировала.

Она снова очаровательно улыбнулась и сменила, так сказать, инструмент. Правая рука осталась прежней, только иглы еще немного удлиннились, а левая стала превращаться в петлю из толстой прочной веревки. Кантор, ошарашенный новым для себя фактом, что он оказался магом, который сопротивляется, не стал особо надеяться на свою загадочную и непредсказуемую Силу, а решил попробовать просто дать деру и попытаться укрыться в этом тумане. Благо здесь он не чувствовал своей материальной сущности и ему никоим образом не мешали обожженная спина, искалеченная рука и прочие отбитые части тела. Кантор рванулся в сторону и бросился бежать, с трудом преодолевая сопротивление туманообразной субстанции, замедлявшей движение, словно приходилось двигаться под водой. Сила Силой, но кто его знает, поможет ли она против руки-удавки. Убежать – оно вернее будет. Скрыться в этом тумане, и пусть ищет его хоть до второго пришествия эльфов... если, конечно, у нее нет специального заклинания для выманивания объекта из укрытия.

– Ты куда? – возмущенно воскликнула волшебница и бросилась за ним. Правда, она двигалась в тумане так же медленно, как и Кантор, так что догнать пленника было ей не так-то просто. Впрочем, как и ему скрыться. Как ни старался Кантор прибавить скорость, серый туман гасил все усилия – и расстояние между ним и Джоаной не увеличивалось, а даже постепенно сокращалось. Очень медленно, но все же... То ли он просто был слабее, то ли она лучше знала это место, но было ясно, что рано или поздно волшебница все же его догонит. Через какое-то время, но имеет ли это значение? Может, лучше не тратить силы на бесполезную беготню, а попробовать встретить угрозу лицом к лицу и сразиться, как подобает воину? А если не получится? Что тогда? С другой стороны, выбора нет, все равно догонит – и сражаться придется. Знать бы, как это делается...

Кантор остановился и повернулся лицом к противнику, выставив перед собой руки, подсознательно чувствуя, что главное – не подставить голову. Первая атака волшебницы была отражена успешно – мистралиец успел перехватить руку с петлей за запястье и самым обычным образом вывернуть, бросив при этом красотку через бедро и отступив на шаг. Джоана быстро вскочила на ноги и удивленно протянула:

– Вот ты какой! Даже так? Давненько мне такие не попадались... И как это ты ухитрился так облапошить Кроша, что на тебя не надели полиарг? Даже интересно, что из этого всего может получиться...

Видно было, что она нисколько не напугана и даже не обескуражена, а, напротив, испытывает к происходящему профессиональный интерес. «Специалист за работой», – мимоходом подумал Кантор, которому это живо напомнило Стеллу. Точно с таким же выражением лица почтенная мэтресса ковырялась в располосованных пациентах. И сходство это ему очень не понравилось. А насчет полиарга... Будь ситуация менее опасной, он бы посмеялся. Одной из удивительных особенностей его Силы было именно то, что полиарг на нее никоим образом не влиял.

Вторая атака оказалась для волшебницы более удачной. Удавку, норовившую обвить его за шею, Кантор снова успел перехватить, но броска на этот раз не получилось. Петля прочно охватила его запястье, а когти-иглы второй руки почти одновременно попытались снова добраться до головы. Кантор едва успел отмахнуться, поскольку отвлекся, соображая, опасно ли для него то, что его поймали за руку. На этот раз пять длинных, острых, как кинжалы, игл пробили насквозь его ладонь. Кантор вскрикнул от боли и попытался отдернуть пораненную руку, но иглы непонятным образом изогнулись наподобие крючков, зацепившись намертво. Единственное, что мистралиец смог сделать, – это выдать Джоане серию самых изощренных ругательств, какие знал.

– Вот ты и попался, – удовлетворенно сказала волшебница. – А теперь давай посмотрим...

Кантор стиснул зубы и отчаянно метнулся из последних сил, рискуя остаться без руки. Вырваться он не смог, однако вместе с новой вспышкой боли в нем вспыхнуло что-то еще. Мистралиец не сразу понял, что это, он так и не научился сразу определять свою неуправляемую Силу. На этот раз странная семейная магия приобрела вид совершенно невообразимый. Видела бы Ольга, сказала бы: «Полный сюр!» В двух шагах от себя Кантор разглядел открытую дверь, по краям которой бежали, мигая, разноцветные огоньки, а на распахнутых створках горела надпись «Добро пожаловать». Над дверным проемом висела яркая вывеска, составленная из огромных рун, тоже мигающих, как испорченный осветительный шар: «Тебе сюда!» И жирная стрелка, указывающая вниз.

Не раздумывая, что бы это значило, и не обращая внимания на боль, Кантор снова рванулся и бросился в эту дверь. Настойчивую волшебницу пришлось тащить с собой, так как вырваться от нее возможности не было. В глаза ударила черная мгла, и Кантор чуть не рассмеялся вслух, почувствовав знакомое пронзительное головокружение и понимая, что на этот раз спасен. В Лабиринте его не достанет никакой маг, вне зависимости от могущества и квалификации. Не для них это место, неуютно им здесь, классическим магам, и Сила их здесь ничего не стоит. Не тягаться им в этом месте с человеком Лабиринта. Последней дурой окажется эта навязчивая барышня, если попытается.

– Это еще что за фигня? Ты куда меня приволок? – возмущенно воскликнула мэтресса Джоана, озадаченно уставившись на свои руки, которые вдруг приобрели обычный человеческий вид. Впрочем, не совсем обычный – теперь их туго обвивали кожаные ремни для кулачного боя, которые смотрелись просто уморительно в сочетании с изысканным маникюром. Да и сама волшебница выглядела не менее потешно в традиционном одеянии эгинских кулачных бойцов – коротенькой набедренной повязке и некоем подобии намордника, предохраняющем зубы от травм. Какая-либо верхняя часть туалета традицией предусмотрена не была, поскольку кулачный бой являлся исключительно мужским видом спорта, и оголенный бюст мэтрессы недовольно колыхался. Впрочем, обзреть все эти прелести было некому, а самому Кантору было не до того. Он только подивился в очередной раз изобретательности Лабиринта и подумал, что это место, наверное, наделено каким-то собственным сознанием... и незаурядным чувством юмора. Сам он был одет точно так же, и стояли они на утрамбованной площадке, огражденной натянутыми веревками, а вокруг простирался огромный и совершенно пустой стадион, поразительно напоминавший Большую Королевскую Арену в Эгине.

– Это Лабиринт, детка, а не какая-нибудь фигня, – все-таки засмеялся Кантор, подпрыгивая на месте и делая несколько разминочных ударов по воздуху. Разумеется, обе его руки были теперь свободны и совершенно целы, что несказанно радовало. – Наступила моя очередь делать тебе больно.

– Лабиринта не существует! – возмущенно топнула ножкой мэтресса Джоана. – Его выдумал бесстыжий шарлатан Максимилиано, чтобы морочить людям голову!

– Вот твоей головой я сейчас и займусь, – злорадно пообещал Кантор, слегка задетый таким неуважением к светлому имени любимого родителя, и коротко, без размаха, ударил правой. Волшебница отлетела на несколько шагов и упала на спину, живописно задрав ноги.

– Сво-олочь! – взвыла она, вскочила и стала в стойку, как-то странно встряхивая головой и корча зверские рожи. Видно, пыталась колдовать, сердешная, а не получалось.

– Что, без когтей ты не так и крута? – язвительно заметил Кантор и, легко уклонившись от атаки разъяренной дамы, ударил снова.

Это было легко, совершенно безопасно и даже как-то неинтересно – избивать женщину, которая не могла оказать серьезного сопротивления. В чем-то даже противно. Когда после очередного удара мэтресса не смогла подняться, у Кантора и вовсе опустились руки. Очень мило, и что с ней теперь делать? Отпустить просто так нельзя, вдруг найдет выход, вернется в реальность и снова попробует его просканировать, на этот раз приняв необходимые меры безопасности. А ему в другой раз может и не повезти. Добить было бы вернее, вот только как? Ну свернет он ей шею, секундное дело, а толку с этого? Это ведь Лабиринт, здесь все нереально... Может, стоит отнести ее к тоннелю и попытаться забросить туда?

От этих конструктивных размышлений мистралийца отвлек чей-то уккоризненный и слегка насмешливый голос:

– Мальчик, за что ты истязашь бедную старушку? Няня тебя не учила, что так делать нехорошо? Или это и есть твоя няня?

Кантор удивленно посмотрел вокруг. На перилах королевской ложи сидел мальчишка-подросток, одетый во все черное, и, чуть наклонив голову, с интересом наблюдал за происходящим.

– Это я мальчик? – переспросил Кантор, стаскивая намордник, чтобы не мешал разговаривать. – А ты тогда кто?

Мальчишка засмеялся, легко спрыгнул с перил и направился к нему.

– Ну уж извини, – сказал он. – Я тебя не знаю, а выглядишь ты на данный момент как трех-четырёхлетний ребенок. Так в чем проблема? За что ты ее так? Так же можно на самом деле убить.

– Правда? – с надеждой переспросил Кантор. – Очень хорошо, а то я сомневался. Я именно это и намереваюсь сделать, а ты иди своей дорогой и не вмешивайся в чужие разборки, а то огребешь за компанию.

Маленький нахал остановился у самой веревки, облокотившись о столбик, и серьезно посмотрел на Кантора.

– Неужели ты думаешь, что я просто так пройду мимо, когда кого-то убивают? Или считаешь, что и в самом деле сможешь обойтись со мной так же, как с этой несчастной старухой? Ты глубоко ошибаешься. Сам ведь знаешь, что в Лабиринте внешний вид обманчив и иллюзорен. И перед тобой не мальчик, как тебе показалось, а взрослый шаман, такой же человек Лабиринта, как и ты, только старше и опытнее. Так что лезть в драку не советую.

– Я все же попробую, – уперся мистралиец. Этот недомерок что, всерьез думает его напугать?

– Ты и ведешь себя как сопливый ученик, – так же серьезно и совершенно беззлобно прокомментировал мальчишка. – К тому же ученик плохонький, раз меня не видишь. Сколько тебе лет на самом деле? Понятно, не три и не четыре, а сколько? Десять, двенадцать?

– Тридцать один! – огрызнулся «плохонький ученик» и растерянно остановился, чувствуя неладное. Он собирался сказать «триста семьдесят», не для того чтобы выпендриться, а просто из вредности, но правда вырвалась помимо воли. Навязчивый собеседник удивленно взметнул подвижные тонкие брови и уточнил – скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Ты не шаман.

– Нет, я не шаман, – раздраженно отозвался Кантор. – Ты не мог бы отвязаться от меня, а?

– Ты здесь случайно, – так же уверенно констатировал странный мальчик.

– И не по своей воле.

– В таком случае оставь старушку в покое и уходи отсюда. Я могу показать тебе дорогу, если сам не можешь найти.

– Да нет уж, спасибо! Чтобы она опять за меня взялась? Лучше уж я останусь. Тут мне по крайней мере никто иголки в голову совать не станет.

– Я вижу, у вас конфликт серьезный... – Мальчишка покачал головой и уселся прямо на песок, поджав ноги. – Но все равно, убийство – не лучший способ улаживать дела. Давай спокойно обсудим проблему и поищем более гуманное решение.

Кантор заколебался. С одной стороны, не хотелось рисковать и бросать недобитую волшебницу без присмотра, того гляди, очнется и сбежит. С другой стороны, было очень соблазнительно пообщаться с новым знакомым – таким же человеком Лабиринта. А с третьей, можно ли ему доверять, этому невесте откуда взявшемуся нахалу? Кантор остановился и задумался, между делом изучая пришельца. Вблизи «взрослый шаман» выглядел лет на четырнадцать, не более, а то и моложе. Невысок ростом, тонок в кости и гибок, как эльф. Длинные волосы уложены в странную прическу, причем посреди общей черной массы сияла ярко-рыжая прядь. Скуластое лицо с чуть раскосыми глазами свидетельствовало о наличии в роду выходцев из Хины, но где-то очень далеко, поскольку хинского в мальчишке было даже меньше, чем в господине Флавиусе. А одежда больше всего напоминала Ольгину – такие же джинсы, только не голубые, а черные, и обувь сильно смахивала на ее кроссовки, только без шнурков. И еще два тонких серебряных браслета на запястье. Колоритный шаман, ничего не скажешь.

А еще у Кантора возникло смутное чувство, что кого-то с рыжей прядью и такими же браслетами он уже видел.

– Что, если злодейка сбежит, пока мы будем с тобой говорить? – наконец сказал мистралиец.

– Мы никуда не уйдем, – заверил мальчишка. – Сядем прямо здесь, чтобы за ней присматривать. А почему тебе так важно, чтобы она не сбежала? Нет, впрочем, давай по порядку. Кто вы такие и что не поделили?

– Она пытается меня просканировать, – кратко пояснил Кантор.

– Как именно? – удивленно поднял бровь юный шаман.

– Магически, как же еще! – рассердился Кантор. – Тоже мне маг, не знаешь, как это делается?

– Пстой, – уточнил собеседник, – а из какого ты мира вообще?

– То есть как – из какого?

– Вот так, из какого именно? А то тут шляется народ из пяти разных миров, сразу и не поймешь, с кем имеешь дело. Я почему-то решил, что ты шархи, как и я, но сейчас понимаю, что ты странные вещи говоришь. Так из какого ты мира?

– Откуда я знаю, как он называется в четырех других? – растерялся Кантор.

– Ну да, конечно... А сами вы, как и все, называете его просто землей... Ну давай тогда так: из какой ты страны?

– Из Мистралии.

– Вот теперь все понятно. Значит, ты из мира Дельта. Это чтоб ты знал, если кто спросит. Только что-то я не слышал, чтобы в вашем мире водились люди Лабиринта... Ах, извини, я

отвлекся. И так, эта невезучая бабулька – волшебница, и она пытается тебя просканировать? На предмет чего? Ты преступник?

– Это они преступники! – оскорбился Кантор. – Мало того что кинули нас, так еще и убить хотели! Ребята сбежали, а я попался. А теперь вот эта зараза пытается от меня узнать, где все остальные. Понимаешь, что будет, если она меня просканирует? Я столько знаю, что может пострадать куча народу. Если уж ты такой дремучий гуманист, прикинь с этой стороны. Что будет... гуманнее. Или ты, может, думаешь, что я вру?

– Нет, – серьезно ответил мальчишка, пристально его изучая, как это обычно делают видящие маги. – Врать ты мне не можешь. Здесь Лабиринт. Просто всякое утверждение субъективно и поддается толкованиям... А покажи-ка ты мне свое настоящее лицо, а то как-то даже неловко говорить о серьезных вещах с таким малышом...

Он резко вскинул руки, сложив их перед собой, а затем так же резко рванул в стороны, разрывая пространство, будто раздвигая занавески.

– Больно, засранец! – вскрикнул Кантор, поскольку ощущение было такое, будто он на миг вернулся в свое многотрапальное тело. Зато теперь было уж предельно ясно, что перед ним действительно взрослый маг, знающий о Лабиринте несоизмеримо больше, чем он сам.

– Не ругайся, – виновато попросил маг, сочувственно всматриваясь. – Я не знал, что это будет для тебя так болезненно. Зато теперь прекрасно вижу причину твоей ненормальной агрессивности. Кто же это тебя так? Тоже она?

– Нет, это другой... специалист. По своей методике, чтоб ему... Слушай, парень, а ты мне покажешь свое настоящее лицо? А то ведь, по идее, мне следует обращаться к тебе «почтенный мэтр», но выглядишь ты так, что язык не поворачивается.

– Смотри, – пожал плечами мальчишка. – Мне это будет небольно, так что можешь открыть.

– А как?

– Не умеешь? Ну тогда извини. Чтобы ты мог увидеть меня, ты должен сам открыть. А чтоб не было так уж обидно, могу тебя утешить: это и есть мое настоящее лицо. Так я выглядел тридцать лет назад. Так что сделай поправку на возраст – и представь себе. Да, и этот рыжий вихор я, разумеется, больше не ношу, вышел из того возраста.

– А что он означает? – полюбопытствовал Кантор, так как, согласно мистральским обычаям, всякая прическа что-то означала.

– Так было модно во времена моей юности, – засмеялся «почтенный мэтр». – Я был ярым поклонником Кангрема, а тот был рыжим, поэтому все фаны красили себе одну-две пряди в рыжий цвет. Краситься полностью считалось признаком непомерной гордыни. Да зачем они тебе, эти детские дела, давай лучше подумаем, что же с этой незадачливой старушкой делать, не убивать же ее, в самом деле...

– А почему ты ее называешь старушкой? – не удержался Кантор. – Ты ее так видишь?

– Да, именно так. Дамой весьма почтенного возраста. Представь, как вы жутко смотрелись – маленький ребенок, избивающий глубокую старушку... А знаешь что! Ты ее свяжи. Чем-нибудь из того, что на ней есть, тогда это будет для нее реально, и она будет сидеть тут, пока не освободится, на что у нее уйдет уйма времени. Да и выход из Лабиринта она будет искать долго и нудно. Только не думаю, что это тебе особо поможет в твоём положении. Либо тебя вернут к тому специалисту, который тебя так разукрасил, либо найдут другого мага.

Кантор вздохнул. Предположение было очень резонным.

– Ты хорошо ориентируешься в Лабиринте? – спросил он.

– Как у себя дома. А ты хотел куда-то попасть? Или сам не найдешь выход и тебя про- водить?

– Зачем мне искать выход, сейчас на меня там выльют ведро воды – и вынесет как миленького. Ты мне покажи, где тоннель.

– Тоннель... – понимающе кивнул мальчишка. – Оригинальный способ самоубийства, но у тебя ничего не выйдет. Тоннель не примет тебя. Ты не настолько плох, чтобы умереть. Если я могу тебе помочь как-то иначе, говори, а нет, так я пойду. Я же тут по делу, а не на прогулке.

– А по какому? – поинтересовался Кантор, разматывая один из ремней.

– Пациента ищу, – пояснил собеседник.

– Так ты врач?

– Да. А что, непохож?

– Ни капельки, – честно ответил мистралиец и принялся старательно связывать руки волшебнице. Убить бы, конечно, было надежнее, но ведь этот малолетний гуманист не позволит. Впрочем, привязать – тоже неплохая идея. Может, она действительно застрянет здесь надолго. Тогда появится небольшая надежда на то, что другие маги поостерегутся с ним связываться, зная, что случилось с бедной мэтрессой Джоаной. – Кого-то ты мне напоминаешь, но не врача, это уж точно.

– Да? Странно, твоя побитая физиономия мне тоже кажется смутно знакомой. Хотя видеться мы с тобой нигде не могли, разве что здесь, в Лабиринте. Тебя как зовут, между прочим? А то мы так и не познакомились.

– Диего, – ответил Кантор, поскольку из всех имен, которые носил мистралиец, это было самое простое и распространенное, и найти кого-либо по нему было сложнее всего. Однако на собеседника оно почему-то произвело ненормально сильное впечатление. Он замер, уставившись на Кантора изумленным взглядом человека, до которого с трудом доходит нечто непостижимое, и переспросил:

– Диего дель Кастельмарра? Это ты и есть? У тебя еще раньше была цветная татуировка на плече?

– Ну... да, – неуверенно ответил Кантор, сомневаясь, стоило ли признаваться, и недоумевая, откуда его так хорошо знают в других мирах.

– У тебя просто талант попадать в неприятности! – воскликнул мальчишка, вскакивая с земли. – Объясни, где тебя держат, я попробую кое-кому свистнуть.

– Но как?... – растерялся Кантор. – Ты же в другом мире!

– Это моя проблема, просто объясни... Так, чтобы это было доступно для человека из твоего мира, а я передам.

– Да объяснить-то несложно, я видел, куда меня везут. Большое, уродливое здание на Четвертой улице, с вывеской «Филиал оружейного магазина» или что-то в этом роде. Все это в Новом Капитолии, в Голдиане. И в здании полно вооруженной охраны, разумеется.

– Хорошо, – кивнул лохматой головой мальчишка. – Постарайся не выходить из Лабиринта как можно дольше, но к тоннелю не торопись. А я побежал.

Он развернулся и припустил через стадион, только кроссовки замелькали. Кантор проследил, как мальчишка промчался сквозь королевскую ложу, как будто она была совершенно нематериальна, и вспомнил, что так и не спросил почтенного мэтра, как же его зовут. Поскольку кричать вслед было поздно, Кантор в последний раз проверил прочность ремней и узлов, поднялся и неторопливо побрел прочь, размышляя, где он, в самом деле, мог раньше встречаться с этим странным парнишкой? Ведь мальчик его вспомнил, – значит, все-таки встречались. Что это с его памятью, в самом деле? Последние мозги отшибли, что ли? Не вспоминается, хоть ты сдохни. Или это было именно в тот период жизни мистралийца, который всплывал иногда только отдельными обрывками воспоминаний? В его «прежней» жизни?! А может, все это просто шуточки Лабиринта и никакого мальчика на самом деле не было, а он тут развесил уши и ждет помощи неизвестно откуда?

– Зачем? – тихо всхлипнул принц Мафей. – Кому это понадобилось? Она что, ненормальная? Или ее заколдовали?

– Кто знает, ваше высочество, кто знает... – горестно вздохнул мэтр Истран. – Разумеется, господин Флавиус все выяснит, но какое это будет иметь значение...

Шеллар оглянулся и приподнялся. Это оказалось совсем легко, словно его тело ничего не весило. И, как ни странно, никто этого не заметил, никто не бросился с радостным криком обниматься, и вообще, казалось, все присутствующие смотрели сквозь него. Его величество огляделся еще раз и понял причину странной легкости и неадекватной реакции окружающих. Он действительно ничего не весил, и его теперь никто не видел. Поскольку вся его весомая и видимая часть продолжала неподвижно покоиться на кровати и, похоже, уже не дышала.

– Это месть, – тихо сказал Чен, задумчиво вертя в пальцах отравленную иглу. – Месть по-хински. Особо изощренная и жестокая. Как совершенно верно заметил уважаемый мэтр, от маффы не существует противоядия, поэтому его обычно используют, чтобы заставить жертву умирать долго и мучительно.

– Но она же целилась в меня? – растерянно сказала Кира. – Я-то что ей сделала?

– В том и состояла особая изощренность мести, – грустно кивнул мистик. – Возможно, вам, как и другим вашим соотечественникам, непонятны эти традиции и вы считаете наши обычаи вздорными и извращенными, но все же возьму на себя смелость объяснить. Хинская мудрость гласит, что смерть не является самым страшным наказанием за что бы то ни было. Есть много людей, которые смерти не боятся, и есть вещи пострашнее смерти. Поэтому такой незатейливый способ мести, как убийство, столь популярный в Мистралии, в Хине считается примитивным и не делает чести мстителю. Убийство допустимо лишь тогда, когда объект мести трус и больше всего на свете боится именно умереть. В остальных случаях высокое искусство возмездия состоит в том, чтобы найти или же придумать такой способ, который заставит жертву страдать сильнее всего. Я осмелюсь предположить, ваше величество, что вашему супругу было бы гораздо больше видеть, как умираете вы, чем умирать самому.

– Вы совершенно верно предполагаете, – вздохнул мэтр. – Ваше высочество, прекратите ломать мебель.

Элмар, сидевший верхом на стуле, отпустил спинку, которая уже потрескивала в его могучих руках, и безнадежно спросил:

– И что, совсем ничего нельзя сделать?

– К сожалению, – развел руками мэтр Истран. – Он умрет в течение суток, если я не ошибаюсь. Я все-таки не специалист по экзотическим ядам.

– Не ошибаетесь, – сказал Чен. – Не скромничайте, мэтр.

«То есть я еще не умер? – с некоторым недоумением подумал Шеллар, взлетая над кроватью, делая круг вокруг люстры. – А почему тогда я тут летаю, вместо того чтобы там лежать? Спросить бы мэтра, но меня ведь и не слышат...»

Элмар глухо застонал и уткнулся лбом в спинку многострадального стула, снова стиснув ее так, что та затрещала. Мафей, притихший в углу, несмело подал голос:

– Ему больно?

– Сейчас нет, – ответил мистик, мельком взглянув на распростертое тело короля. – Он временами будет приходить в сознание, у него будут приступы судорог... Тогда ему будет больно. И выглядит это тоже... не очень приятно, так что я бы рекомендовал всем неспециалистам удалиться.

«Хорошенькая перспектива!» – подумал Шеллар, сразу почувствовав себя как-то неуютно. Ему совсем не хотелось умирать долго и мучительно и портить себе прекрасное настроение. Как ни странно, а оно действительно было прекрасным. То ли оттого, что он все-таки провел злодейку судьбу, хотя и с сомнительным результатом, то ли у призраков всегда так... Король еще раз посмотрел на свое тело, которое всегда не любил, и подумал, что совершенно зря все так убиваются. Такое положение нравилось ему гораздо больше.

– Ваше высочество, – сказал мэтр, обращаясь к безутешному Элмару. – Перестаньте же ломать мебель и приступайте к своим прямым обязанностям. Я понимаю, до коронации еще далеко, но кто-то должен этим всем заниматься, поскольку его величество с этой кровати уже не встанет. Во-первых, в зале заседаний сидят все короли и ждут официальных сообщений. Во-вторых, как мне кажется, господин Флавиус до сих пор спорит с императором Лао прямо посреди коридора, и этим неподобающим зрелищем наслаждается вся стража и прислуга. Пресекайте это безобразие. А в-третьих, неплохо было бы начать расследование прямо сейчас. Возможно, вам это покажется неподобающим и несвоевременным, но работа отвлекает от скорби и не позволяет окончательно впасть в отчаяние. Займитесь хоть чем-нибудь. Может, работа не самый лучший способ, но, во всяком случае, вашему кузену пять лет назад именно это помогло не сойти с ума. Вы же, ваше высочество, – обернулся он к Мафею, – извольте отправляться в свою комнату и посмотреть, как там Жак. Боюсь, что он очень плохо себя чувствует.

Юный эльф покорно поплелся к двери, а Элмар поднялся и растерянно посмотрел на мэтра, затем на Киру.

– А... Разве я наследую трон? Ведь Шеллар успел жениться, разве не королева должна...

– Ваше невежество просто поразительно! – вскричал придворный маг, вскакивая со стула. – Чем вы изволили заниматься, когда мэтр Метанди объяснял вам основы престолонаследования? Смотрели в окно? Мечтали о девицах? Играли в карты под партой с принцессой Ноной? – Он подскочил к Элмару и, взмыв на локоть над полом (иначе просто не дотянулся бы), ухватил принца-бастарда за ухо. – Разве вам не известно, что наследование осуществляется не по родству, а по списку? Раз его величество не успел изменить список наследников, вы по-прежнему первый, именно вы наследуете трон! Или вы просто надеетесь спихнуть с себя долг перед королевством и свалить все на бедную девушку? Так это очень просто. Коронуется, вносите ее в список и отрекаетесь от престола. А затем живете с вечной славой труса и бездельника. Стыдитесь, ваше высочество!

Элмар стыдился. Очень заметно стыдился. И очень забавно. Хотя тут его величество Шеллар III, конечно, дал маху. Так увлекся защитой невесты, что совершенно забыл о себе. И, разумеется, не потрудился изменить список наследников. Ну что стоило об этом подумать заранее! Впрочем, возможно, так даже лучше. Кире тяжело придется одной, а Элмар как-нибудь справится. Главное – мэтра слушаться. В конце концов, покойный дядюшка был ненамного умнее. Если подумать, так даже наоборот. Плохо то, что дядюшка с детства готовился занять престол и к моменту коронации имел соответствующий опыт, а кузен Элмар изволил всячески увиливать от обязанностей первого наследника, надеясь, что ему-то уж править не придется. А стремления Элмара были скорее гуманитарного характера. Вряд ли теперь будущего главу королевства выручит давнее пристрастие к стихосложению. Ему ведь не лекции о классической поэзии читать придется... И еще плохо то, что он остался практически один. У дядюшки был Деимар, наследник и помощник. У него были казначеи, которые не воровали, – сначала принц Шеллар-старший, затем принц Интар. У него был принц Шеллар-младший, глава департамента... Впрочем, Флавиус не хуже, просто Элмара он не будет так уважать и ценить, как Шеллара III... Да, бедный кузен Элмар, тяжело тебе придется. Намного тяжелее, чем твоему предшественнику. Единственное, что хорошо, – тебя любит народ. Любит и знает. И ни у кого не возникнет вопроса, кто ты такой и как попал в короли. А вот жениться на Азиль теперь точно не позволят. Был бы жив Шеллар, он бы своей королевской волей, а так... Придется жениться на ком-то другом, и поскорее, а то ведь, не ровен час, отравят бедную нимфу, чтобы не мешала... Тот же Флавиус и организует, не побрезгует, если для короны надо будет. Так что, дорогой кузен, если у тебя хватит на это ума, надо срочно объявить, что ты намерен жениться на ком-то другом, чтобы не воспринимали Азиль как угрозу государственным интересам. Переживешь как-нибудь. Нимфе ведь важнее, чтобы ты ее любил, а не официальный статус супруги. А ты все равно будешь ее любить. Наличие же фаворитки для короля нормальное явление.

Тогда уж лучше было бы жениться на любимой вдове покойного кузена, раз твой брак все равно будет формальным. Только вряд ли ты до этого додумаешься, да и вряд ли она согласится... А жаль. Тебе бы не помешала толковая королева. Потому как сам ты, дорогой кузен...

Элмар вылетел из комнаты, на ходу пряча под волосы раскрасневшееся ухо, а мэтр обратился к Кире:

– Сожалею, ваше величество... Так получилось. Если честно, я бы предпочел видеть на престоле вас, чем принца-бастарда Элмара, но...

– Вы что думаете, мне нужен этот ваш престол? – Кира устремила на придворного мага свой единственный глаз, полный слез. – Да на кой он мне сдался? Особенно теперь... – Она перевела взгляд на бездыханного супруга и осторожно погладила его руку, лежащую поверх одеяла. – Мне нужен был он. Не корона, не генеральские эполеты, не золото и ничто другое. Только он. А теперь... мне вообще ничего не нужно. И когда все это закончится, я подам прошение о переводе в действующую армию. На южные границы. Или на западные... – Она всхлипнула и добавила как-то не к месту: – Лучше бы меня дракон хвостом пришиб! Лучше бы Шеллар женился на какой-нибудь дуре, которую ему было бы не жалко и которую он не стал бы прикрывать собой! Ну зачем я согласилась?

– Если бы... – вздохнул мэтр Истран. – Когда что-то случается, мы часто повторяем это слово. Не торопитесь, ваше величество. Я имею в виду, с действующей армией. Все равно войны никакой нет, а вы будете нужнее здесь. Хотите вы того или нет, пока у Элмара нет детей, вы его первая наследница. И если с ним что случится... Сами понимаете. Надеюсь, вам это более доступно, чем Элмару?

– Я? Но почему я? Разве у него нет других наследников? Кто в таком случае был вторым?

– Какая разница? Все они столь дальние родственники, что их и не стоит принимать во внимание.

– Но я вообще не член семьи и не получила королевского воспитания.

– Не Мафея же на трон сажать... А кроме него и Элмара, такого воспитания не имеет больше никто. Так что придется сделать исключение. И кто вам сказал, что вы не член семьи? Юридически вы замужем. Вы супруга короля. Еще живого короля.

Кира тихо заплакала, и у Шеллара возникло непреодолимое желание подойти и обнять ее, утешить, сказать, что он здесь, рядом, просто его не видно... И он подумал, что все не так уж хорошо, как ему казалось вначале.

– Ну что, насмотрелся? – сказал вдруг посторонний голос где-то в стороне. – Хватит любоваться, иди сюда.

Поскольку никто не отреагировал, король сделал вывод, что этот голос принадлежит кому-то столь же бесплотному, как и он сам. Это было куда интереснее, чем созерцание безутешных родных и близких, поэтому он тут же откликнулся:

– Ты кто?

– Заходи в кабинет, увидишь.

Шеллар приземлился на пол, хотя это было довольно условно, поскольку пола он все равно не касался. Просто передвигаться по полу было привычнее, чем летать под потолком. Он по привычке двинулся к двери, но потом его посетила мысль, что теперь, наверное, можно пройти и сквозь стену. Король немедленно подошел к стене, разделявшей спальню и кабинет, чтобы это проверить, и попробовал погрузить в нее руку. Ладонь вошла в камень, совершенно не ощущая препятствия, словно это не он, а стена была бесплотной, сделанной из тумана. Еще более заинтересованный доселе невиданным явлением, Шеллар тут же сунул вслед за рукой голову и убедился, что стена действительно состоит из тумана, цветом и формой напоминающего камень.

– Хватит баловаться, – сердито проворчал голос. – Как маленький! Игрушку нашел! Я его жду, а он развлекается!

– А что, это так срочно? – поинтересовался Шеллар, входя в кабинет.

За его столом в его кресле сидело странное существо, такое же бесплотное, как и он сам, в темном плаще или мантии с капюшоном. Лица под капюшоном не было, в сгустке сплошной тьмы виднелись только глаза – длинные и узкие, совершенно белые, без радужки и зрачка. Наверное, это существо было чем-то страшным, просто обязано было быть, с такой-то физиономией... вернее, отсутствием таковой. Но чтобы напугать его величество Шеллара III, этого было явно недостаточно. Единственное, что ощутил король при виде странного существа, это обычное жгучее любопытство.

– Ты кто? – снова спросил он. – Смерть?

– Нет, – засмеялся гость. – Что за странная у вас, людей, манера – персонифицировать смерть? Нет, я просто пришел проводить тебя... куда следует.

– И куда же это? – заинтересовался король и сделал попытку сесть в кресло. Поначалу он благополучно провалился, затем догадался, что достаточно просто зависнуть над креслом в позе сидящего человека.

– Куда следует, – с нажимом повторило существо, явно недовольное столь подробными расспросами. – Там увидишь.

– Это если я еще пойду, – заявил Шеллар, задетый такой самоуверенностью, и с трудом сдержал смех, вспомнив, что означало «куда следует» в понимании Ольги.

– Конечно, пойдешь, – удивилось существо. – Все идут.

– А если я не захочу? – не унимался любопытный король.

– Кто тебя спрашивать-то будет?

– Ты и будешь, – нахально заявил Шеллар.

Это был почти блеф, так как мелькнувшая в голосе собеседника нотка неуверенности еще не означала, что он тоже блефует, но прием сработал.

– А собственно, почему ты против? – уже более миролюбиво поинтересовался безликий проводник.

– Разве я это сказал? Просто интересен сам принцип. Что будет, если я с тобой не пойду?

– Не думаешь же, что это способ обрести бессмертие? Ты просто останешься здесь в таком виде, как сейчас.

– То есть стану призраком? – уточнил король. – Так вот откуда они берутся!

– Ладно, я ответил на твой вопрос, а теперь пойдем. Мне некогда. По дороге договорим.

– А к чему такая спешка? – поинтересовался Шеллар. – Разве я уже умер? Почтенные мэтры утверждают, что мне еще сутки можно никуда не спешить. Так что, если ты торопишься, приходи, когда скончаюсь. А я пока поболтаюсь по дворцу, посмотрю и подумаю, идти с тобой или стать призраком.

– Ну что ты несешь? Это одна из самых страшных кар, какие только существуют для мертвых!

– А что же в этом страшного? – пожал полупрозрачным плечом Шеллар. – Можешь рассказать подробнее?

– Не собираюсь я тебе ничего объяснять! Нашел тоже сказителя! Я не нанимался удовлетворять твое любопытство. Это просто неуважение, в конце концов!

Шеллар улыбнулся:

– Неуважение? На мой взгляд, неуважение – являться за человеком, когда он еще даже не умер, и торопить его под всякими вздорными предложениями. Из нашего содержательного разговора можно сделать следующий вывод. Тебе нужно, чтобы я с тобой пошел, добровольно и поскорее. Раз ты меня уговариваешь, значит, утащить меня против моей воли не в силах. И раз так спешишь, что даже не дождался, пока я умру, значит, либо у тебя имеются конкуренты, либо ты очень не хочешь, чтобы я остался призраком, либо у меня все-таки есть шанс выжить.

– Размечтался! – проворчал недовольно существо. – Выжить! Как же!

– Ага, выходит, конкуренты? Знаешь что, никуда я с тобой не пойду, во всяком случае сейчас. Лучше проведу последние отпущенные мне сутки с максимальной пользой для своей будущей загробной жизни. Испытаю на себе, что такое быть призраком, и подожду твоих конкурентов, если таковые имеются. Вдруг они окажутся посимпатичнее. А то не нравишься ты мне что-то. Нехороший ты какой-то. Злой. Да еще и в мое кресло без спросу влез...

– Одно скажу точно, – проворчал проводник, – никто посимпатичнее за тобой не придет. За вами, проклятыми, другие не приходят. Придут еще двое таких же, как я.

– Вот, значит, как, – протянул король. – Я всегда подозревал, что проклят. А почему вас трое? И кто вы на самом деле такие?

– Трое потому, что ты проклят трижды. А я... что-то вроде стража проклятия. Слежу за тем, чтобы оно исполнялось.

– Трижды? Поразительно! Ты мне расскажешь, в чем заключаются эти проклятия? Или это не в твоих интересах? А то смотри, вдруг мне не понравится быть призраком, а твои конкуренты окажутся общительнее...

– Мрак и преисподняя! – ругнулся страж, бешено сверкнув глазами из-под капюшона. – Второе поколение проклятых я провожаю из этого дома, но с такой наглостью сталкиваюсь впервые!

– О-о! – усмехнулся король. – Это ты еще с Кантором не знаком. Жаль, не познакомишься, он не из нашей семьи и ни разу не проклят, что удивительно. Ну так как, расскажешь или подождем твоих... коллег?

– Давай тогда договариваться, – недовольно проворчал страж. – Я тебе рассказываю, а ты даешь слово, что идешь со мной. Когда умрешь. Если тебе так уж хочется умирать долго и мучительно.

– Вот еще! И не подумаю. Я сначала выслушаю все три версии, а потом посмотрю, кто из вас меньше врет. А будешь ломаться, торговаться и угрожать, вообще, как только приду в сознание, попрошу преподобного Чена произнести какой-нибудь заковыристый экзорцизм и прогнать тебя отсюда на фиг.

– Сомневаюсь, что ты сможешь говорить... впрочем, с такого здорового лося станется. Только я же не демон какой, чтобы меня можно было пугать экзорцизмами.

– Ну как хочешь, – засмеялся Шеллар и поднялся с кресла. – Я пошел, погуляю пока.

Возвращаться в спальню король не захотел – при виде плачущей Киры и расстроенного мэтра ему становилось тоскливо и как-то даже... больно, что ли... Поэтому он направился на поиски коридора, в котором спорили Флавиус и Лао Чжэнь. Очень было интересно, в чем это они так не сошлись мнениями.

Нашел их король на втором этаже, возле зала заседаний. Оба действительно стояли в коридоре у окна и спорили, кто должен заниматься расследованием и допросом плененной императрицы.

– Да будь она хоть сто раз ваша супруга и коронованная особа, – заявлял Флавиус, слегка растерявший свою невозмутимость. – Она арестована на территории нашей страны за преступление, совершенное на нашей же территории.

– Вы что, не понимаете! – кипятился юный император. Куда только подевалось его хинское воспитание! Обычный девятнадцатилетний мальчишка, такой же горячий и бестолковый, какими были в этом возрасте все кузены Шеллара. – Она моя подданная и моя жена! Я должен сам разобраться с этим делом! Неужели вы думаете, что я таким образом попытаюсь ее защитить? Да я ее на куски разорву за то, что она опозорила меня перед мировой общественностью!

– Я понимаю ваше похвальное стремление, – не уступал Флавиус. – Но оно наглядно демонстрирует ваше предвзятое отношение. Вы можете излишне погорячиться... и испортить все дело. У нас же ею займутся квалифицированные специалисты.

– Если уж говорить об этом, – возмутился Лао Чжэнь, – то хинские палачи славятся на весь мир, и вашим с ними не тягаться!

– Не беспокойтесь, – заверил его Флавиус, – наши ничуть не хуже, хотя и не славятся. Кроме того, нам это будет удобнее, поскольку вы можете приобрести проблемы с семьей Нинь-гун...

– Это семья Нинь-гун приобрела проблемы! – грозно потряс сломанным веером император. – Если вы намекаете на то, что они влиятельны, знатны и имеют реальные шансы создать мне трудности, то завтра они не будут ни знатны, ни влиятельны и даже вряд ли живы! Все!

– Вы опять излишне горячитесь, – поджал губы глава департамента. – Для начала я бы рекомендовал вам взять себя в руки и одуматься, затем навести порядок во внутренних делах собственной империи, а уж затем о чем-то со мной спорить.

– Вы не имеете права! – Бедный юноша начал срываться на визг, ай-яй-яй, видел бы наставник, почтенный придворный маг Вэнь, как ведет себя его император... Нашел с кем заводиться, ребенок – с Флавиусом!

– Имею, – холодным ровным голосом возразил глава департамента. – Помимо того, как я уже говорил...

И бесконечный спор продолжился. Шеллар улыбнулся, так как это живо напомнило ему спор маленьких Тины и Ноны, кто должен первым кататься на качелях, и прошел сквозь стену в зал заседаний.

Их величества в угрюмом молчании восседали вокруг стола, стараясь не глядеть друг на друга. Заплаканная Агнесса стирала платочком с лица остатки макияжа. Шеллар впервые видел ее без слоя косметики и поразился, насколько старо она выглядит. Что тут скажешь, жизнь с пьяницей не красит даже королев...

Императрица Лао Суон любовалась в зеркало на свой подбитый глаз и пыталась как-то помочь делу, прикладывая к поврежденному месту различные металлические украшения, которых на ней хватало. Где это она так пострадать ухитрилась? Неужели ребята Флавиуса и ее заодно приложили? А вот это уже международным скандалом пахнет...

Элвис поглядывал на часы и недовольно морщился. Видимо, находил неподобающим то, что их так долго заставляют ждать, но высказывать свое возмущение в такой ситуации было бы еще более неподобающе. «Интересно, – подумал вдруг Шеллар, – будет Элвис плакать на похоронах? Или сохранит свою обычную невозмутимость, как полагается истинному джентльмену?» В том, что сегодня вечером Элвис запрется в спальне и обрыдается в полном одиночестве, Шеллар даже не сомневался. А вот уронит ли кузен хоть слезинку на похоронах, было чрезвычайно любопытно.

Зиновий угрюмо смотрел в стол, и на его лице явственно читалось раздражение. Легко было представить, о чем он сейчас думает. «А чего еще можно было ожидать? Когда это у Шеллара хоть что-то было как у людей? Даже из свадьбы умудрился похороны сделать!» Впрочем, вполне справедливо. Очень некрасиво получилось...

Необычно трезвый и смирный Луи вертелся, ерзал и вообще чувствовал себя неудобно. Видимо, Агнесса с утра удерживала его от общения с горячительными напитками исключительно угрозами натравить на супруга-недотепу мистральских принцев, а ему страшно хотелось выпить, но пребывание в этом дворце слишком живо напоминало о реальности угрозы.

Александр нервно мерил шагами зал, что-то ворча себе под нос на родном языке. Скорей всего, ругательства, поскольку то же самое обычно говорил Костас, когда у него случались какие-нибудь неприятности, и всегда отказывался переводить сказанное.

– Да долго они там будут возиться?! – наконец не выдержал Александр. – О чем можно так долго спорить? И когда нам хоть что-нибудь скажут? Что там все-таки с Шелларом?

– Скажут, когда будет известно, – подал голос Элвис. – Не мечись по комнате, сядь. А если тебе интересно, о чем спорят император с главой департамента, так я могу сказать. Решают,

кто будет заниматься расследованием и допрашивать пленницу. Каждый хотел бы заняться этим лично. У его величества задета национальная гордость и вообще честь империи. А для Флавиуса это вопрос гордости профессионала. При таких мерах безопасности у него на глазах убивают короля... Я не удивлюсь, если он покончит с собой после этого. Это, кажется, принято среди ваших соотечественников, ваше величество?

– Да, – кивнула императрица. – Не просто принято, он даже обязан это сделать... по нашим законам. Я не знаю, как принято в Ортане...

– Да что тут не знать, – пожал плечами Элвис. – Он уже неоднократно пытался это сделать. После каждого провала в работе. Но он всегда извещал об этом Шеллара, как это положено, и Шеллар ему всякий раз запрещал. Все равно никого лучше и вернее Флавиуса ему не найти. Не знаю, станет ли Флавиус спрашивать разрешения у Элмара...

– А Элмар тут при чем? – Александр остановился и перестал ходить по залу.

– То есть как? Именно Элмар наследует трон, если Шеллар умрет. Не думаю, что кузен успел изменить список наследников. Он ожидал, что будет покушение на невесту, и никак не рассчитывал умереть сам.

«Ты, как всегда, умница, Элвис, – подумал Шеллар. – Единственный из присутствующих, у кого в голове достаточно мозгов, чтобы все понять правильно. Сегодня даже не такой зануда, как обычно. Но все-таки будешь ли ты плакать? Я никогда не видел, как ты плачешь, хотя ты и нормальный человек, в отличие от меня. Было бы интересно увидеть...»

Агнесса между тем закончила утираться и обратилась к юной императрице:

– Суон, деточка, может, ты нам хоть что-то можешь сказать? Ты наверняка знаешь больше, чем твой муж.

– Я знаю тоже немного, – вздохнула Суон. – Только догадываюсь. Юй всегда была су... масшедшей слегка. А также непорядочной и недостойной женщиной. Я подозревала, что она рано или поздно встрянет в какое-нибудь де...ло нехорошее. Осмелюсь предположить, что Юй тайно состояла в ордене Небесных Всадников, и именно она провела их во дворец. И то, что она сделала сегодня, – это их месть. Но точных сведений у меня нет. Это просто догадки.

– Послушай, девочка, – неодобрительно поморщился Зиновий, – мы все здесь свои. Можешь говорить, как тебе нравится, и не оглядываться на каждое слово на лицемера Элвиса. Думаешь, он сам таких слов не знает?

– Зиновий, ты ведешь себя неподобающе, – холодно заметил Элвис. – Достаточно того, что Александр позволяет себе непотребные выражения в присутствии дам. Ты призываешь еще и дам последовать этому недостойному примеру? К тому же ты безосновательно обозвал меня лицемером, что является оскорблением в любом обществе.

– Заткнись, – зло бросил Александр, останавливаясь наконец посреди комнаты. – Хоть сегодня ты можешь перестать быть занудой? Пусть лучше императрица объяснит, как их семейка докатилась до такого...

Последнее слово было сказано по-эгински без перевода, но все странным образом поняли.

– Да сволочь она, сволочь! – по-детски всхлинула юная императрица, бросив на стол увесистую серьгу, которой только что пользовалась в лечебных целях. – И всегда была сволочью! И весь род их такой! всю жизнь разве что не лопались от сознания собственной знатности! Если они Нинь-гун, то все остальные грязь и прах и в ноги им должны кланяться!..

«А вы, Цуй, не кланялись никогда и никому, – про себя продолжил Шеллар недосказанную мысль императрицы Суон. – Потому что у бедных собственная гордость, особенно если они – семья Мастеров. Эх, что тут говорить, все, что ты можешь рассказать, и так известно. Я слишком хорошо знаю Алису Монкар, чтобы не понять мелочную душонку Нинь-гун Юй. Ну-ка попробую угадать сам, а параллельно просто сравним наши версии. Значит, так, девицу с детства избаловали дальше некуда, верно? Да, иначе и не могло быть. Самая лучшая, самая

умная, самая красивая, самая знатная и богатая, достойный жених для такой не меньше чем, скажем, сам император... Говоришь, первый наследник? Ну практически то же самое. И вот тут первая обида – не достался ей первый наследник! Взял обеих жен раньше, чем „самая лучшая“ выросла! А второму настолько была противна заносчивая гордышка, что парень прикинулся больным, только бы вообще не жениться. Достался бедняжке третий наследник Чжэнь, в меру растяпистый, чтобы не суметь избежать столь сомнительного подарка судьбы. Ведь я верно полагаю, что он тоже не пылал желанием быть мужем прекрасной Юй? Несомненно. Просто уклониться не сумел. Эх, господи, что вам сказать?... Жалко вашего хитроумного второго наследника, мне кажется, мы бы с ним подружились, нашли бы общие интересы... Итак, женился несчастный Чжэнь на капризной вредине только потому, что так повелел дядя-император, и почти сразу же взял вторую жену, уже по любви. И что, этот наивный мальчик надеялся получить дружную и веселую семью из трех человек, которую Ольга называет почему-то шведской? Что ж, все ясно... Говоришь, обижала тебя, перед мужем оклеветать пыталась, свекру на ушко нашептывала, даже убийц подсылала, пока не лопнуло у тебя терпение? А потом ты переступила через свою детскую гордость и пожаловалась братьям.

Умница, маленькая Суон, я сразу догадался, у кого в вашей семье больше мозгов. Правильно. Не мужу, не свекру-императору, а братьям Цуй, с которыми никакие Нинь-гун не рискнут связываться при всей своей знатности. Вот такая получилась семейная жизнь у старшей супруги. Муж не любит, не балует, даже супружеским долгом пренебрегает, младшая жена строптива и непочтительна, да еще и не тронь ее с такими-то братьями... И при дворе почему-то никто в прах не рассыпается перед «самой лучшей» и «самой прекрасной»... Обидели бедняжку Юй, не разглядели, и стала она искать тех, кто оценил бы ее по достоинству. И быстро нашла. Сектанты нюхом чуют обиженных, неустроенных, имеющих проблемы в жизни. Таких вербовать очень просто, на край света пойдут за любым, кто скажет то, что им хочется услышать. А с подобными Юй вдвойне просто – не забывай только постоянно хвалить, льстить и восторгаться. И зачем им такие восторги?...

Так и попала принцесса Лао Юй, первая жена четвертого наследника Чжэня, в тайный орден Небесных Всадников... Сначала просто с понимающим собеседником пообщаться, потом проповеди послушать, а там промывка мозгов, обряды-ритуалы – и нет пути назад. Эти господа делают все качественно, после инициации человек пропадает навсегда. Только у меня тринадцать агентов исчезло, при всей их спецподготовке, притом что четверо из них были магами... И ты, Суон, обо всем догадалась, отчего ты столь неуверенна в своих предположениях? Все правильно, все логично и все прекрасно сходится. Одно плохо – следовало поделиться своими догадками раньше. И не с мужем твоим бестолковым, а со мной. Уж я бы понял, что ты не пытаешься оговорить соперницу из ревности... Кстати, вот забавно, если вы обе жены одного мужчины, кем вы официально приходите друг другу? А еще мне интересно, чем занимается ваш Департамент Безопасности, или как эта служба у вас называется? Медитируют на продвижение по службе да ловят мух в тушечницах? Флавиуса на них нет...»

– И как бедного парня угораздило жениться на этой стерве? – вздохнула Агнесса, выслушав рассказ младшей жены и уверения в том, что император ни о чем не догадывался.

– Его не спрашивали, когда женили в первый раз, – столь же печально вздохнула в ответ императрица. – Он ни в чем не виноват. Честное слово, господи, он не знал. Если бы знал, не допустил бы подобного несчастья. Мне очень жаль, правда невероятно жаль. Я мало была знакома с его величеством Шелларом, но наша семья в неоплатном долгу перед ним... к тому же он мне был очень симпатичен.

– Ты так говоришь, будто он уже умер, – с упреком произнесла Агнесса.

– Он умрет, – печально сказала Лао Суон, вытирая крошечный носик и глазки-щелки широченным рукавом парадного облачения. – Если он не погиб сразу, значит, это точно маффа. А от него нет противоядия. И умирают все.

– А может, доза окажется для него маловатой? – с надеждой спросил Элвис. – Все-таки рассчитывали на девушку, а не на такого огромного мужчину, отличающегося отменным здоровьем?

– Это не имеет значения, – вздохнула Суон. – Разве что, это был какой-то другой яд. Но я сомневаюсь. Маффа – это классика, и...

Видимо, императрица собиралась повторить лекцию преподобного Чена о принципах мести по-хински, но разговор был прерван неожиданно донесшимся из коридора ревом:

– Заткнитесь! Оба! Я не желаю этого больше слышать! Вы что, дети малые? Господин Флавиус, вы старше, будьте же умнее! Повторяю, не желаю слышать! Разберусь после коронации, не раньше! А пока пусть все идет, как идет. Разойдитесь! Нашли место выяснять отношения!

– Умно, – заметил Элвис. – До коронации Флавиус выжмет из этой дамы все, что захочет.

– Сомневаюсь, – проворчал Зиновий. – Ты, наверное, никогда не имел дела с религиозными фанатиками.

– Ничего, у Флавиуса есть и маги, если палачи не справятся.

Дверь отворилась, и в зал вошел Элмар, подталкивая впереди себя растрепанного хинского императора, который все еще продолжал доказывать, что его лишают единственной возможности смыть с себя позор, коим его покрыла первая жена.

– Ну наконец-то! – почти хором произнесли нетерпеливый Александр и исстрадавшийся Луи. – Ну что?

Элмар несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться и не разрыдаться прилюдно, и сообщил:

– Шеллар умирает. Кто хочет попрощаться, прошу за мной. На похороны всех пригласят отдельно.

Их величества немедленно зашевелились, закопошились и стали подниматься. Измученный воздержанием Луи намылился было улизнуть, дабы скорее залить горящую душу, но Агнесса дернула его за рукав, прошипела что-то на ухо и потащила вместе со всеми. Спустя минуту в зале остался один Зиновий, терзаемый сомнениями, правильно ли он поступил, позволив упрямству и гордости возобладать над человечностью. Шеллар не удержался, подошел поближе и сказал вслух, не очень рассчитывая, что его услышат:

– И не стыдно тебе, Зиновий? Самому ведь жить осталось всего ничего, а все кочевряжишься!

Старик поднял голову и обеспокоенно огляделся. Затем проворчал себе под нос:

– Совсем старый становлюсь... Голоса чудятся... Пора, наверное, Пафнутию посох передавать, хотя и рано ему еще, не дорос...

Вздыхнув напоследок, несговорчивый старик поднялся и отправился вслед за остальными. Видимо, ему действительно стало стыдно. Шеллар посмотрел ему вслед и спросил сам себя:

– Интересно, когда же, по мнению Зиновия, Пафнутий «дорастет»? Ему скоро сорок, а батюшка все сомневается... Что ж, раз все ушли, куда бы мне еще сходить? К Мафею? Или, может, к придворным дамам? А может, просто пошататься в поисках других призраков?

– В банкетный зал заглянуть не хотите? – сказал откуда-то из-под пола голос, показавшийся Шеллару знакомым.

– А что там? – поинтересовался король, не торопясь, впрочем, спустаться.

– Вы же хотели увидеться с другими призраками.

– Тогда сами поднимайтесь сюда. Здесь никого нет, а там, наверное, слуги топчутся... Прибирают столы, потому как свадебный пир отменяется, а для поминок еще рано, скиснет все, к демонам, до послезавтра.

– У вас на удивление веселое настроение для умирающего, – заметил призрак, появляясь из-под пола. – Впрочем, вы всегда были человеком парадоксальным.

– Господин Хаббард! – изумился Шеллар, увидев собеседника. – Вас-то как угораздило стать призраком? А что, ваши коллеги тоже где-то здесь разгуливают?

– Увы, – ответил господин Хаббард, зависая над ближайшим креслом. – Черт возьми, ведь прекрасно знаю, что мне не нужно это кресло, а никак не могу избавиться от привычки...

– Я тоже, – кивнул король. – Так что же случилось? Вы сами так захотели?

– Да нет же! И угораздило вас неправильно меня похоронить, – ответил призрак. – Я же христианин, а вы хороните всех подряд по своим варварским обычаям. Да еще и голову куда-то утащили. Нехорошо, ваше величество.

– Вот оно что! – рассмеялся Шеллар. – А я еще потешался над рассказами о том, что по дворцу разгуливает ваш призрак и пристает ко всем с расспросами, где его голова! Значит, мой бедный кузен говорил истинную правду, а я ему еще меньше пить посоветовал, в чем теперь раскаиваюсь. Вы бы сразу меня спросили, если вам это действительно столь важно.

– Я пробовал, – развел руками господин Хаббард. – Вы меня решительно не слышали. Это один из недостатков моего нынешнего состояния. Нас не все слышат и практически никто не видит. Являться – это особое умение, которому нужно учиться. Я не умею. Так куда же вы мою голову дели?

– Вообще не трогал. Флавиус отнес ее в камеру графине Монкар, наивно полагая, что эту даму в значительной степени расстроит наглядное доказательство вашей смерти. Но графиня...

– Это-то я знаю... Слышал ваш разговор с кузеном. Стерва! Сто раз вы были правы, когда не советовали с ней связываться... Но все-таки хотелось бы узнать, куда ее дели потом, мою несчастную голову?

– Боюсь, вряд ли смогу выяснить, – развел руками король. – Мне уже не доведется общаться с людьми. Выходит, если вас перезахоронить, вы перестанете быть призраком? Неужели вам настолько не нравится нынешнее положение?

Покойный юрист пожал плечами:

– Не знаю. Приятного мало, но в противном случае опять налетят эти морды в капюшонах и начнут меня делить...

– А вы тоже прокляты? Впрочем, чему я удивляюсь, вас, наверное, каждый отбор кто-то проклинал. И что, их много, этих морд?

– Десятка два. Так что, пожалуй, призраком остаться действительно лучше. А то еще, может статься, если меня отпоют по-христиански, за мной кто-нибудь похуже явится и потащит в наш христианский ад, где, уверяю вас, приятного мало. Сам, правда, не видел, но проверять достоверность сведений нашей мифологии нет никакого желания. Лучше уж так... Скучно, правда, но спокойно. А теперь еще спокойнее будет. Раньше мне все время было ужасно досадно видеть, что вы счастливы и довольны жизнью, разделившись со мной. А теперь люблюсь, как вы умрете, и станет легче.

– Ну любуйтесь, – усмехнулся король. – Если вам от этого действительно станет легче. Мэтр сказал, что я буду умирать долго и мучительно, так что вы должны быть просто в восторге.

– Что-то вы действительно слишком жизнерадостны для умирающего, – заметил господин Хаббард. – Вам что, ни капельки не обидно или это ваше пресловутое самообладание?

– Не то чтобы совсем не обидно... Но я все же победил.

– Странные у вас представления о победе. Вы умираете, в чем же она состоит?

– Кира жива, – серьезно ответил король, не очень, впрочем, надеясь, что его поймут.

– Ах вот в чем дело... Все-таки женщины – ваше самое слабое место. Впрочем, вам повезло больше, чем мне. Ваша вдова оплакивает вас совершенно искренне, и уж ни в коем разе не будет пинать ногами вашу голову.

– Господин Хаббард, – сказал Шеллар, уходя от неприятной темы о плачущих вдовах. – А другие призраки здесь есть?

– Что, – усмехнулся бывший глава Комиссии, – я вам успел надоесть?

– У нас впереди вечность, и надоесть вы мне еще успеете. Собственно, вы сами ведь знаете, что вы еще при жизни просто обрыдли мне, извините за выражение, и общаюсь я с вами только из любопытства – пытаюсь понять, изменились ли вы после смерти. А насчет призраков – просто интересно. Как мне кажется, в этом дворце их должно быть множество.

– Вечность, говорите? Вы что, тоже собираетесь остаться призраком? И как вы думаете, это у вас получится? Вас ведь похоронят по всем правилам, пышно и по-королевски, так что шансов у вас не будет.

– Подумаю над этим. Но все-таки как насчет других призраков? Если у меня есть немного времени, тем более хотелось бы успеть с ними познакомиться.

– Есть, и немало, – как-то неохотно сообщил господин Хаббард, – только они решительно не желают со мной общаться. Видимо, это ваши предки, которые до сих пор на меня обижаются за то, что я попытался утащить у вас корону... И к слову о короне, ловко же вы меня провели! Кто бы мог подумать! Милый симпатяга Жак, который боится крови, оказывается, одержимый! А убийца-мистралиец, который валял передо мной дурачка, оказался просто отвлекающим фактором! Как я и подозревал с самого начала, ваша клятва была потрясающе обтекаемой. Никто не обещал, что мы дойдем до кабинета. Равно как и никто не обещал, что мы оттуда выйдем, если все же войдем. Об этом варианте я узнал позже, когда уже был призраком. Я пришел в вашу комнату, чтобы полюбоваться на ваши страдания, раз уж отомстить не получалось, и слышал, как вы рассказывали все вашему придворному магу.

– Да вы поистине находка для шпиона, господин Хаббард! – нахмурился король. – Надо с вами что-то делать. А то ведь научитесь являться, не приведите боги, познакомитесь с каким-нибудь шпионом и будете ему информацию поставлять. В качестве мести.

– Хорошая мысль, – засмеялся юрист. – Только это скорее от скуки, чем для мести. Еще один из недостатков моего нынешнего состояния – это то, что мне ничего не нужно. А месть... от нее теперь тоже никакой пользы. Может, ваши хины что-то в этом находят, но я подобного не понимаю.

– Что ж, приятно было побеседовать, господин Хаббард. А где, если не секрет, тусуются призраки, которые не желают с вами общаться?

– Да нигде, просто болтаются по дворцу, как и я. Слово-то какое – тусуются! От Ольги нахваталась?

– Разумеется, – улыбнулся король. – И за что вы ее так невзлюбили? Очень, очень славная девушка. До свидания, может, еще увидимся.

Шеллар поднялся с кресла, подумывая, куда бы еще сходить, но вдруг неведомая сила рванула его вверх, в глазах потемнело – и его величество с новой силой ощутил боль. Невыносимую боль.

– Начинается, – сказал рядом голос придворного мистика. – Ваше величество, вам лучше тоже уйти. Это... не слишком подходящее зрелище для женщины.

– Преподобный Чен, – отозвалась Кира, – я вам не Жак. Я была на войне и видела зрелища похуже. Никуда я не уйду. Я буду с ним до конца. Пусть лучше мэтр Истран уйдет, у него сердце больное.

Шеллар хотел что-то сказать, просто чтобы попробовать, сможет ли он говорить, если понадобится, и понял, что его общение с миром живых отныне закончилось. Сведенные судо-

рогой челюсти не разжимались, язык не слушался, и единственные звуки, которые он смог издать, не тянули даже на крик. Получалось только невнятное мычание и хрипение.

Глава 2

*Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной!*

М. Танич

Увидев, что Эльвира рыдает, уткнувшись лицом в подушку, Пассионарио сразу понял, что ничего толкового из затей Шеллара не вышло. Спорить с судьбой что плевать против ветра. И теперь Эльвира оплакивает подругу, а сам он... Понятное дело, застрелиться ему теперь не дадут, но кто поручится за его рассудок... и вообще, как Шеллар будет жить дальше? Люди ломаются и не на таком... даже подобные Шеллару.

– Эльвира, – тихо позвал он, присаживаясь рядом с ней.

Заплаканная дама встрепенулась, подняла голову и подскочила на кровати.

– Карлсон! – вскрикнула она, бросаясь ему на шею. – Где ты был столько времени? Бедный, на что ты похож! Ты что, болел?

– Да нет, – уклончиво ответил Пассионарио, вспомнив, что действительно выглядит нелучшим образом. – Просто поколдовал неудачно. Ничего страшного, не обращай внимания.

– Неудачно поколдовал? – ужаснулась Эльвира. – Карлсон, милый, я тебя умоляю, будь осторожнее. Я... я не переживу, если с тобой что-нибудь случится. Это так ужасно... так ужасно...

– Не плачь, – тихо сказал он, прижимая ее к себе и успокаивая. – Это судьба. С ней не очень-то поспоришь. Видишь, даже то, что он все знал заранее, не особенно помогло.

– Что это он знал заранее? – Эльвира отстранилась и заглянула ему в глаза. – Ты что, и ему тоже какую-нибудь ерунду предсказал?

– Это не ерунда, а чистая правда, – вздохнул Пассионарио. – Ему Мафей предсказывал, потом и я тоже... Но он все же решил попробовать... как сам выразился, сказать судьбе «нет». А что судьбе его «нет»?

– Так, значит, в зале была такая охрана потому, что он знал заранее?!

– И что ему это дало? – вздохнул предсказатель. – Не представляю, как он теперь будет жить...

– Жить?... – как-то растерянно переспросила Эльвира. – Ты думаешь, что он все-таки выживет?

– А что с ним случилось? – теперь уже удивился Пассионарио.

– Ты разве сам не знаешь? Ты же предсказывал, – неуверенно произнесла Эльвира.

– Постой. – Эльф тоже слегка растерялся, начиная смутно понимать, что в чем-то ошибся. – Я предсказывал, что на свадьбе убьют невесту, твою подругу. А Мафей предсказывал, что Шеллар после этого застрелится. Это как-то расходится с тем, что произошло на самом деле?

– Все случилось совсем иначе, – покачала головой Эльвира. – Его величество спас Киру... заслонил собой. Я никогда не могла подумать, что он на такое способен... – голос Эльвиры задрожал, – что он так ее любит...

– И что теперь?

– Он умирает, – всхлипнула девушка и снова разрыдалась, уткнувшись в его плечо.

Пассионарио снова обнял ее, и все же не удержался и сказал:

– А думала ли ты, что будешь так по нему убиваться?

– Да никогда, – прорыдала Эльвира. – Я вообще всегда считала... что мужики сволочи...

Что они не способны... а он...

– Ну не плачь ты так, может, еще выживет. Он ведь вон какой здоровый. Чем в него попали?

– Отравленной иглой. Какой-то очень хитрый яд, от которого нет противоядия. Ты лучше у Мафея спроси, он разбирается, – с трудом сдерживая рыдания, объяснила девушка.

Пассионарио чуть не рассмеялся вслух – всего лишь какой-то несчастный яд?! Шеллар, дружище, и не надейся теперь, что ты умрешь просто так!

– Эльвира, – сказал он, срываясь с места, – мне надо срочно сбегать к себе. Я скоро вернусь. Не плачь, король еще не умер, может, что-то сумеем сделать.

Оставив бедную Эльвиру в полной растерянности, эльф телепортировался в свою хижину. Там он бросился к кровати, достал из сундучка аптечку и стал в ней копаться. Пассионарио точно помнил, что несколько лун назад Амарго давал ему две дозы антидота. Одну Пассионарио использовал в конце зимы, когда какой-то «доброжелатель» напоил любимого вождя кофе с мышьяком, а вторая еще должна была остаться... Да где она, не могла же потеряться!

Уже начиная нервничать, он вывалил все содержимое аптечки на одеяло и принялся разгребать, проклиная себя за разгильдяйство и беспорядочность во всем. Попробуй теперь что-то найди в этой аптечке! О небо, даже фанга есть, откуда она взялась... А антидота не видно! Не сперли же его, в самом деле, кому он мог понадобиться? Никто же не знает, что это вообще такое! Может, сам когда-то выпил и потом забыл? Так вроде с тех пор его больше не травили... Ай-яй-яй! Вот ведь башка пустопорожняя! А скорпион? Конечно, в таком обкуренном состоянии разве упомнишь... Вот куда она делась, вторая доза! На прошлой неделе, когда Пассионарио сидел на скале, его ткнул скорпион. И ведь совершенно из головы вылетело! Надо было сразу попросить у Амарго еще, а он забыл! И что теперь? Амарго в Голдиане, пока он вернется, Шеллар сто раз успеет умереть. И Стеллы дома нет, уехала с ребенком куда-то отдыхать... Если только залезть в лабораторию Амарго и там поискать?... Должно быть, у него там просто склад. Только бы не в сейфе, а то ведь в этот сейф, пожалуй, и не заберешься...

Бросив раскиданную аптечку на кровати, товарищ Пассионарио телепортировался в лабораторию и принялся торопливо осматривать шкафы и ящики в поисках чего-то похожего на медикаменты.

Когда блаженное забытье снова сменилось невесомостью, Шеллар не стал взлетать к потолку, а спокойно прошел сквозь кровать. В углу стоял призрак господина Хаббарда, который, впрочем, особо счастливым не выглядел.

– Вам понравилось? – с язвительной заботой спросил король.

– Был бы я живым, меня б стошнило, – признался глава Комиссии. – Пойду я отсюда. Ничего приятного в агонии не нахожу, даже когда это смерть врага. Вам, может, и понравилось бы. Помню, как вы нашими трупами любовались.

– Да идите вы, – отмахнулся Шеллар, едва удержавшись, чтобы не показать этому горе-эстету тот самый средний палец, которым его когда-то дразнила Ольга. И, не дожидаясь, пока ему ответят, направился в кабинет, проверить, не появились ли там новые гости, спешащие препроводить его величество в потусторонний мир. Как он и ожидал, стражей было уже двое. Они сидели в креслах и ожесточенно спорили, снова напомнив его величеству великую битву Тины и Ноны за качели. Заметив его, оба тут же замолкли, а сам Шеллар попытался различить, с каким из них он уже был знаком, поскольку оба были одинаково безлики.

– Очень хорошо, что ты пришел, – сказал один из стражей. – Я как раз хотел предупредить...

– Ты бессовестный обманщик! – возмущенно закричал второй.

– Это ты обманщик, – возразил первый. – Ты прекрасно знал, что твое проклятие уже не имеет силы, и поэтому явился раньше всех, чтобы обманом и мошенничеством увести то, что тебе более не принадлежит.

– Мое проклятие имеет силу! – упрямо возразил второй, который, собственно, на самом деле был первым.

– Господа, – попросил король, – вы могли бы как-то назваться, чтобы я мог вас различать? Мне сложно с вами общаться, вы такие одинаковые... У вас есть имена?

– У нас нет имен, – серьезно сказал тот, что пришел вторым. – Но если тебе так хочется, можешь называть нас именами тех, кто наложил проклятия. Его, – он кивнул на обиженного коллегу, – Адалия. А меня – Морис.

– А вашего третьего товарища, который еще не пришел? – поинтересовался Шеллар.

– С ним тебе общаться не придется, – передернул плечами Морис. – Но если тебе интересно – Алиса.

– Вот стерва! – не удержался король. – Так я и знал, что она не успокоится!

– Да теперь-то тебе что с того? – засмеялся Морис. Когда стражей стало двое и они повели себя совсем как государственные служащие, странный их облик стал в глазах Шеллара еще менее зловещим. – Третье проклятие было неправильным, неполным, даже странно, что вообще сработало. Видимо, уж очень от души было сказано. Или случайно пересеклось с моим. Проклятия, знаешь ли, часто пересекаются и либо помогают друг другу, либо мешают. Вот наши с Адалией как-то раз пересеклись... Но это не столь важно.

– А кто такая Адалия? – поинтересовался король. – Я что-то не припоминаю дамы с таким именем... И чем я ее так обидел?

– Ты ее и не знал, она умерла прежде, чем ты родился, и ты лично ничем перед ней не виноват. Эту даму сильно обидел твой великий дедушка, Кендар Завоеватель. Дамы, знаешь ли, очень не любят, когда их бросают любовники. Вот и прелестная Адалия обиделась настолько, что прокляла твоего дедушку от всей души. Посулила ему, что родится у него бездушный, бесчувственный выродок, и займет он его трон, и будет править этой страной. И династия подобных ему выродков будет продолжаться, пока один из них не полюбит больше жизни и не станет человеком. Это, если ты не знаешь, ограничивающее условие. У проклятия обязательно должно иметься ограничивающее условие, которое должно быть теоретически выполнимо, иначе проклятие не сбудется. Вот и в данном случае условие было теоретически выполнимо, а практически... сам понимаешь, с какой это стати бездушный выродок вдруг полюбит кого-то так сильно. Мы с Адалией спорим об этом проклятии уже почти пятнадцать лет. Я считаю, что оно недействительно еще с тех пор, как покончил с собой твой отец, чтобы ограбить от проклятия брата и его семью. Сам же понимаешь, для того чтобы он смог занять трон, сначала они должны были куда-то деться. Адалия же доказывает, что любовь тут ни при чем, а бедняга просто рехнулся. Даже теперь, когда все уже предельно ясно и двух толкований быть не может, он все равно продолжает настаивать.

– Глупо, – пожал плечами Шеллар. – Адалия, как ты полагаешь, от чего я умираю?

Страж, которому совершенно не подходило женское имя, мрачно промолчал.

– И сказать нечего, – позлорадствовал Морис. – Не стыдно обманывать? Ведь покойного Шеллара-старшего ты обманул. Уж слишком он был исполнительный – сказали «пошли», он и пошел. А этого просто так не надуешь. Вот ты и остался с носом. А теперь вали отсюда, бездельник, сообщи кому следует, что твое проклятие снято, и пусть тебе поручают новое. Сам знаешь, если я доложу, будет хуже.

– Стукач, – проворчал Адалия и исчез.

– Так я и предполагал, – вздохнул король, перебираясь в свое кресло, которое так кстати освободилось. – Не зря все столь упорно поговаривали, что я проклят. Только почему это так и не всплыло? Мне кажется, если мой придворный маг и не разглядел проклятия сам, он мог бы попросить свою коллегу, мэтрессу Морриган. Хотя она и скрывает свою осведомленность в тайных искусствах, для такого случая сделала бы исключение.

– Видишь ли, любопытный мой подопечный, проклятия бывают разные. Те, которые налагают путем соответствующих ритуалов, считаются профессиональными. Такие проклятия специалист по темным искусствам непременно распознал бы. В том и состоит их недостаток – всегда можно обнаружить и снять. Твои же проклятия были иными. Таким образом может проклясть любой человек, желающий зла другому. Для того чтобы их наложить, не обязательно обладать Силой. Вспомни, сколько раз ты сам в сердцах бросал что-нибудь вроде «чтоб ты сдох» или что-то подобное.

– Даже сбывалось, – согласился король, вспомнив печальную участь Алоиза Браско. – Но, помнится, никаких ограничивающих условий я не ставил.

– Разумеется, ты об этом и не знал. У тебя получилось случайно, как и у твоей Алисы. По всей видимости, пересеклось с другим, ибо тот неприятный господин, которому ты столь успешно пожелал сдохнуть, наверняка успел за свою жизнь заработать немало других проклятий. Но вот некоторые люди, более сведущие, чем ты, знают, что ограничивающее условие необходимо для верности. К примеру, Адалия была ведьмой и, несомненно, об этом знала, а Морису, должно быть, кто-то просто насоветовал.

– А как же они сбываются? Почему?

– Обычно их произносят в стрессовой ситуации, и чувства произносящего, если они достаточно сильны, резонируют с потоками астрала... Впрочем, узкоспециальные подробности тебе не нужны, все равно не поймешь. Итак, о чем я говорил? Ах да. Проклятия такого рода не имеют отношения к некромантии, поэтому специалист в области темных искусств и не может их разглядеть. В этом их коварство.

– А кто может? Кто-то же сказал моему отцу о проклятии? Или как он узнал?

– Сказал, – кивнул Морис. – Нашелся один неклассический маг, которому было доступно иное видение... Но это не столь важно.

– Может, и не важно, но мне интересно. Почему я не умер? Как это вышло?

– Если тебе так любопытно... Тот самый маг, который просветил твоего отца касательно проклятия, вовремя вас нашел и каким-то образом тебя спас. То ли у него было противоядие, то ли еще что. Любознательный ты, Шеллар, просто на удивление. Не все ли тебе равно? Умирать уж скоро, что ты будешь делать со своими новыми познаниями?

– А о своем проклятии ты мне расскажешь? – продолжал расспрашивать король. – Или оно тоже недействительно и придется третьего дожидаться?

– Почему? Действительно. Это проклятие наложил опять-таки на твоего знаменитого дедушку перед смертью его поверженный враг. Заключалось оно в том, что ваша династия будет вымирать, пока не вымрет или пока кто-то из семьи трижды не обманет смерть. Пока что и ты, и твой кузен успели обмануть смерть по два раза. Он – после той битвы с драконом и после золотой паутины. Ты – когда тебя отравил твой отец и когда ты не пошел на церемонию пять лет назад.

– А на банкете, когда меня чуть не убили?

– Нет, тогда ты и не должен был умереть. Вот если бы тебе удалось выжить и на собственной свадьбе, это был бы третий раз. Только у тебя уже ничего не получится. Так что полетай пока, посмотри в последний раз на всех, а к завтрашнему вечеру умрешь, да и пойдем.

– А если я и с тобой не пойду?

– Куда ж ты денешься? Не пойдешь завтра, отправимся послезавтра, когда тебя похоронят. Это Адалия тебя уговаривал, чтобы ты сам согласился с ним уйти, а мне твое согласие не требуется, ты и так мой по праву.

– Именно твой?

– Да, потому что Алиса опоздал. Я пришел раньше, так что ты мой. И ничего ты сделать не можешь.

– А если меня не похоронят?

– Как это – не похоронят? Еще как похоронят. С почестями. Со всеми полагающимися обрядами. Так что о своих планах стать призраком можешь смело забыть. Ладно, заболтался я тут с тобой, у меня еще несколько проклятий под надзором, слетаю, проверю, как там они, а завтра вернусь.

– Постой, – спохватился Шеллар. – А Алиса-то как меня проклял?

– Алиса? Я же говорил уже – неправильно. Без ограничивающего условия, так что странно, что его проклятие вообще сбылось. Алиса пожелал тебе умереть в день свадьбы, что, собственно, и случилось. А теперь до свидания, а то у тебя бездонный мешок вопросов, а мне некогда.

Когда второй страж тоже исчез, его величество Шеллар III глубоко задумался – как уговорить родных, чтобы его не хоронили. Очень уж не хотелось ему кому-то принадлежать, да еще и по праву. И вывод у него получался единственный. Раз во время судорожных припадков говорить он не мог никоим образом, надо было как-то заставить их увидеть или хотя бы услышать его в его нынешнем призрачном состоянии. Господин Хаббард что-то там говорил про умение являться. Вот и прекрасно. Значит, нужно найти кого-то из местных призраков, которые это умеют, и попросить, чтобы научили. Цель ясна, задача определена. Осталось только найти этого самого потенциального наставника. И поскорее.

Шеллар взлетел над креслом и направился на первый этаж, чтобы оттуда уже начать методично прочесывать дворец.

Жак уронил столбик сигаретного пепла в стакан и скорбно покосился на рыдающую взахлеб Ольгу.

– Ну не надо... – негромко сказал он, – выпей лучше, оно попустит...

– Оставь ее, – попросила Тереза. – Пусть. Она сама успокоится. Выплачется и успокоится. Трудно все-таки, когда люди в Бога не верят...

Азиль упорно молчала, съездившись на диване.

– Это не всем дано, – сказал Мафей, нервно затягиваясь. – У тебя получается находить утешение в молитве, у других – нет.

– Ну что же делать, что делать?... – застонал Жак, бросая окурок и запуская пальцы в волосы. – Не может же быть, чтобы совсем ничего нельзя было сделать...

– Может, – печально вздохнул Мафей. – Знаешь, когда умерла мама, мне тоже долго казалось, что это не на самом деле, что так не может быть, что, если я пойму, что нужно сделать, все изменится... И тогда я проснусь завтра, и мама войдет в мою комнату и обнимет меня, а маленький Аллеар выпрыгнет из кровати, залезет мне на руки и начнет хватать за уши... Он почему-то ужасно любил это делать... Только на похоронах, когда гробы опустили в могилы, до меня вдруг дошло, что это навсегда. Что так бывает, когда ничего уже нельзя сделать... – Он всхлипнул и снова судорожно затянулся.

– Окурок брось, – хмуро посоветовал Жак. – Ты уже чистую бумагу тянешь. Лучше поищи у мэтра в лаборатории какой-нибудь успокоительный эликсир, да Ольгу напоим.

– Оставьте вы Ольгу в покое, – снова подала голос Тереза.

– А ты помолчи, – огрызнулся Жак. – Займись чем-нибудь. Я думаю. А вы с Ольгой меня отвлекаете. Вот Азиль молчит, и вы помолчали бы.

– О чем ты таком важном думаешь? Пытаешься найти выход? Жак, перестань. Нам всем больно, и всем его жалко, но тут действительно ничем не поможешь. Если уж мэтр Истран сказал, что ничего нельзя сделать, что ты можешь придумать? Остается только уповать на милость божью. – Тереза вздохнула и, чтобы не расстраивать Жака, потянулась к папке с рисунками Мафея. – Мафей, можно я посмотрю? Раз уж я так мешаю Жаку, я посижу в уголке и молча посмотрю твои рисунки.

– Можно, – вздохнул принц и попытался добыть огонек, чтобы раскурить еще одну сигарету, как его учил Орландо, но у него не получилось, и пришлось воспользоваться банальными

спичками. – А в лаборатории у мэтра все закрыто. И чего я не спросил Хоулиана, как успокаивать и усыплять? Он же умеет... Балда я, сразу пить начал и о всякой ерунде трепаться, нет чтобы о полезном спросить...

– А его никак нельзя найти или позвать? – не унимался Жак. – Не надеяться же, в самом деле, на милость того, чего нет!

– Кого найти? – переспросил Мафей.

– Ну эльфа твоего. Может, он бы мог помочь.

– Да ну, скажешь... Яды магии практически не поддаются. А противоядия не существует. Если бы эльфы его знали, то знали бы и люди.

– А может, как-то иначе можно? Как-то же маги спасают умирающих, догоняют там, возвращают, все такое...

– Это не тот случай, – всхлипнул Мафей. – Не получится. Мэтр это умеет, он бы сделал, если бы можно было.

– Да что ты со своим мэтром... Может он ошибаться?

– Может, но не в этом случае. Как тебе объяснить... Такой способ годится, если... ну, в общем, для нас он не подходит.

– Почему? Ты сам можешь объяснить? – не отставал Жак.

– Я понимаю, но как тебе объяснить?... Скажем, если бы он умирал от какой-то болезни, которая проходит, то можно было бы попробовать. А так... тело все равно непригодно для жизни, поэтому возвращать в него душу не имеет смысла. Не получается у меня понятно объяснить...

– Можно попытаться продержать его, пока яд полностью не выведется?

– А он не выводится, наверное. Иначе этот способ уже давно бы открыли. Давай я в справочнике посмотрю...

Мафей спрыгнул со спинки стула и полез на полку за справочником. На некоторое время наступила тишина, слышно было лишь, как тихо всхлипывает Ольга, шуршит бумагой Тереза и Мафей сосредоточенно сопит, склонившись над книгой. Жак напряженно думал.

– Мафей, – вдруг подала голос Тереза, – а зачем ты мэтру Альберто такую шляпу нарисовал?

– Кому? – переспросил Мафей, отрываясь от справочника.

– Мэтру Альберто, – повторила девушка, показывая рисунок. Мафей тихо обомлел, поняв, что не убрал из папки портрет товарища Амарго, который он набросал вчера вечером, равно как и портрет Орландо, лежавший там уже вторую луну. И только сейчас сообразил, кого же ему так напоминал сердитый конспиратор с Зеленых гор. Действительно, мэтра Альберто. Очень похож...

– Твою мать... – тихо ахнул Жак, тоже воззрившись на злосчастный портрет. – Это же он! Подумать только, как меняет человека головной убор!

– А ты что, сразу не узнал мэтра Альберто? – удивилась Тереза.

Жак, не отвечая, вскочил с кресла.

– Мафей, – решительно заявил он, – пойдем ко мне.

– Зачем? – не понял принц.

– Там я тебе все объясню.

– А дам здесь оставим?

– Не пропадут наши дамы. Не сломают тебе ничего. Разве что сигареты твои выкурат. Пойдем скорее, у меня появилась идея.

– Опять, наверное, какой-нибудь антинаучный вздор, – проворчал Мафей, неохотно отрываясь от справочника.

– Научнее не бывает, – заверил его внезапно оживившийся Жак. – Давай скорее. Если у нас все получится так, как я рассчитываю... нет, помолчу, чтоб не сглазить.

– К тебе? – покорно уточнил мальчишка.

– Именно. Мне надо кое-что забрать из кабинета.

Оказавшись в своей гостиной, Жак буквально взлетел по ступенькам и торопливо защелкал кнопками замка.

– Ты этого мужика где видел? – спросил королевский шут, открывая дверь и жестом приглашая Мафея заходить. – У Карлсона в Зеленых горах?

– Жак! – жалобно простонал несчастный художник. – Я же поклялся молчать! Ну что вы с Шелларом за люди, вечно все знаете, даже если я вам ничего не говорю!

– Да я его сам там видел. А ты тоже хорош – портретов бы не рисовал, если уж поклялся. Хотя ты же не обещал ему не рисовать, так что, твоя совесть чиста. Я вот к чему. У этого мужика обязательно должен быть универсальный антидот. Это такая удивительная хренотень, которая нейтрализует любые яды. То есть абсолютно любые, понимаешь?

– Это что-то из твоего мира? – уточнил Мафей.

– Да. Такая штука обязательно входит в стандартный набор первой помощи всяких там космонавтов, химиков, разведчиков других планет, агентов спецслужб и представителей прочих экстремальных профессий... короче говоря, у него такое лекарство должно быть. Или я полный дурак. – Жак схватил со стола какой-то мешок и начал рыться в шкафчике. – Сейчас мы с тобой пойдем к нему. К мэтру Альберто. И попытаемся как-то добыть у него этот универсальный антидот. Любыми способами. Как получится. Если он дома, будем просить, слезно умолять, падать на колени, угрожать – в общем, действовать по обстановке. Если его дома нет, украдем. Мне как-то все равно, хорошо это или нет. Когда мой друг умирает, я, пожалуй, даже убить смог бы...

– Это не понадобится, – вздохнул Мафей. – Его нет дома. Он в Голдиане, ищет Диего. Но я очень рад, что ты на все готов. Потому что лаборатория мэтра Альберто находится в нижнем этаже, за моргом, и, чтобы в нее попасть, надо пройти через этот самый морг.

– Фиг с ним, – решительно заявил Жак, бросая в мешок какие-то незнакомые Мафею вещи. – Пройдем. Подумаешь, станет мне хреново – переживу. В крайнем случае, если в обморок хлопнусь, дотащишь. Все, я собрался. Заготовь на всякий случай обездвиживающее заклинание, вдруг нам кто-то попробует мешать или хозяин дома окажется...

В очередной раз покинув свое многострадальное тело, Шеллар заглянул в кабинет, удостоверился, что там пусто, и попытался вспомнить, на чем он остановился в своих поисках. Кажется, успел дойти до второго этажа... «И где же они могут прятаться, эти призраки предков? Или с Шелларом они тоже не желают общаться, как с проклятым вырожденком? Нет уж, дорогие родственнички, придется». И его величество двинулся дальше.

Как оказалось, во дворце можно разглядеть массу интересного, если ты призрак и никто не подозревает о твоём присутствии. Несомненно, если бы не сегодняшняя трагедия, можно было бы узнать еще больше, поскольку в этот вечер все вели себя непривычно тихо и вообще были какими-то пришибленными. Многие плакали. Придворные дамы и вовсе обливались слезами, что показалось Шеллару по крайней мере странно. Правда, при этом каждая из них ревела в одиночестве в своей комнате, видимо, чтобы не показывать подругам красные глаза и распухшие носы. Только Акрилла спала, тихо всхлипывая во сне, да Эльвира нервно ходила по комнате, комкая в руках мокрый платочек в разводах косметики. На столе Эльвиры, как и каждый вечер, стояла нетронутая вазочка с апельсиновым вареньем. «Ждет, – понял Шеллар. – Ждет каждый вечер, а вдруг он, наш дорогой Карлсон, прилетит, точно как в сказке. Только что же он не летит? Хоть бы посмотреть на него, что ли. А то так и умру, не увидев».

На третьем этаже призраков тоже не оказалось. Зато в комнате Мафея король наткнулся на весьма занимательное зрелище. За Мафеевым столом, подперев голову огромным кулаком, сидел кузен Элмар, разумеется пьяный вдрызг (а как же иначе?). Он же клялся бросить пить, только когда займет престол, а до коронации еще дня три, так что грех не набратся с

горя, тем более повод-то какой выдающийся... Рядом притулилась Азиль, сочувственно глядя его по плечу. В сторонке сидела Тереза и задумчиво вертела в руках бокал, к которому еще, похоже, и не притронулась. А в соседнем кресле плакала Ольга, горько и безнадежно, как несправедливо обиженный ребенок. На подлокотнике ее кресла, элегантно облокотившись о спинку, сидел незнакомый Шеллару эльф и как раз подносил даме кубок, предлагая выпить и успокоиться. Живой взрослый эльф, ослепительно красивый, со знакомой скромной улыбкой Орландо. Видимо, тот самый, его отец, с которым давеча пьянствовал Мафей. Самого Мафея нигде не было видно, как, впрочем, и Жака.

– Так мне и надо, кретину! – возглашал Элмар в перерывах между всхлипами. – Это кара богов за мою трусость, мою лень и прочее мое свинство! Я – король! Слышишь, эльф? Ты представляешь, какой из меня получится король? Всемирное посмешище! И это после Шеллара... Знаешь, какой он был?! Умница, каких просто не сыщешь, душевнейший человек! Да после него меня просто никто не будет воспринимать всерьез! Я же полнейший балбес! Ни хрена не понимаю ни в политике, ни в финансах, ни вообще в чем-то полезном!

– Ничего, научишься, – философски заметил эльф, мимоходом проводя пальцами по лицу Ольги, отчего та сразу замолчала и послушно взяла кубок из его рук. – И не надо себя с ним сравнивать, а то вечно будешь считать себя хуже, чем ты есть. Ты не хуже, ты просто другой.

«Правильно, – мысленно одобрил Шеллар. – Эльфы действительно мудрее нас...»

– И на кой мне приспичило его женить! – продолжал стенать Элмар I. – Не зря же он так сопротивлялся! Как чувствовал, что это для него добром не кончится! Надо же мне было так доставать его с этой женитьбой, с этими наследниками, с этими бабами проклятыми! Добился, идиот! Женил на свою голову! Бедный, бедный Шеллар! И бедный я. Что мне теперь со всем этим дерьмом делать? Чем ж я раньше думал, придурок, тоже первый наследник нашелся! Сiju как лопух последний и не знаю, что делать! О чем, о чем я думал, пока он был жив? Теперь и спросить не у кого! Эх, как был я безмозглым варваром, так и остался, и никакое королевское воспитание...

Будучи не в силах присутствовать при самобичевании кузена, Шеллар, без особой, впрочем, надежды, решил попробовать успокоить безутешного первого паладина.

– Элмар! – окликнул он.

Страдающий кузен резко замолчал и повел глазами вокруг.

– Элмар, я здесь. – Похоже, его все-таки расслышали, упускать момент было бы преступлением. Понимая, что сейчас Элмар подумает, что ему все послышалось спяну, Шеллар попробовал обратиться уже немного громче к другим. – Азиль! Хоть кто-нибудь! Я здесь, у книжной полки! Эльф, может, хоть ты меня слышишь? Ответьте!

– Допился... – горестно простонал принц-бастард и в очередной раз схватился за голову. – Говорил же мне Шеллар, что, если не брошу пить, буду как Луи... допился-таки до белой горячки.

– Ты насчет голоса? – переспросил эльф. – Да нет, я тоже слышал. Ну-ка постой...

Он развернулся, пристально посмотрел в сторону и улыбнулся.

– Да вот же он, точно – у книжной полки.

– Кто? – встрепенулся Элмар. – Так мне не почудилось?

– Очень высокий и худой человек с дурацкой прической, – описал эльф. – Это и есть твой кузен?

– И вовсе не дурацкая у него прическа, – возразил Элмар, – ему очень даже идет.

Первый наследник уставился на книжную полку, видимо надеясь тоже что-то разглядеть, но, разумеется, безуспешно.

– Шеллар, – жалобно сказал он, – ну как же ты так... Как же я без тебя?

– Элмар, – перебил его король, – потом поплачешь. Ответь, слышишь ли ты меня?

- Очень плохо, – пожаловался наследник.
- Я слышу хорошо, – сказал эльф. – Говори, я все передам.
- Скажи ему, чтобы меня не хоронили, – сказал Шеллар. – Ни в коем случае.
- Как – не хоронили?! – встрепенулся Элмар. – Мне не послышалось? Он так и сказал?
- Да, он так и сказал. Чтобы его ни в коем случае не хоронили.
- Почему? – Бедный кузен был так потрясен, что даже, похоже, протрезвел. – Как же так?

Шеллар, ты иногда как скажешь... А что же с тобой сделать?

– Да что хотите, – рассердился король. – Бросьте на свалку, скормите собакам, сожгите, а лучше всего отдайте доктору Кинг в анатомический музей. Хоть какая-то польза будет. Но ни в коем случае не хороните и не проводите никаких обрядов. Иначе меня утащит какой-то безликий гад с белыми глазами. А так я стану призраком и останусь с вами. Буду тебе, балбесу, советы давать.

Эльф добросовестно повторил речь Шеллара слово в слово, после чего возразил его величеству:

– Ты не прав, Элмар вовсе не балбес. Он очень милый мальчик и вовсе не глупый. Просто очень любит тебя.

– Я его тоже очень люблю, – грустно сказал король. – Потому и хочу остаться.

– Шеллар, но как же я объясню это всем? – снова застонал Элмар. – Если я скажу, что мне являлся твой призрак, меня объявят безумным! Или просто не поверят, скажут, меньше надо было пить! Кстати, я помню, что я тебе обещал, и после коронации брошу.

– А Мафей меня не увидит? – с надеждой спросил Шеллар, понимая, что Элмару действительно не поверят. – Или мэтр? Или еще кто-нибудь?

– Мафей должен бы видеть, – предположил эльф. – Только они с Жаком куда-то убежали.

– К Жаку ушли, – сказала Тереза. – Он что-то там придумал и потащил с собой Мафея.

– Нашел время! Когда он мне так нужен...

– Да они еще вернуться, – утешил его эльф. – Ты наведивайся сюда, может, застанешь. И попробуй поговорить с его наставником.

– А ты не знаешь, как я могу являться людям?

– Это надо спросить у призраков. У вас во дворце есть такие, которые являются всем, а не только людям, способным видеть?

– Надо подумать... – оживился Шеллар, но в следующее мгновение мир в очередной раз померк, и король снова ощутил вес своего тела, боль и сильные ладони Киры, сжимавшие его руку.

– Ну как? Лучше? – поинтересовался Мафей, с откровенным любопытством рассматривая Жака. – Может, тебе водички?

– Издеваешься? – измученно простонал тот и попробовал отлепиться от стенки.

– Во все нет. Я серьезно. Если надо, я могу наколдовать воды.

– Да не надо... Что ты так смотришь?

– Про оливковых эльфов я слышал, – серьезно сказал Мафей. – Но чтобы люди становились зеленого цвета...

– Все-таки издеваешься, – вздохнул Жак. – Ну и ладно. Издевайся. Я только что совершил величайший для себя подвиг, но этого все равно никто не оценит. Которая из дверей?

– Кажется, эта.

Жак осторожно потрогал замок и хмыкнул:

– Само собой, без всякой магии. Придется воспользоваться вульгарным первобытным способом, то есть вот этой железкой.

– А ты умеешь?

– Да что тут уметь? Как любит говорить наш король, теоретически знаю, значит, должно получиться.

Мафей с любопытством понаблюдал, как специалист ковыряется в замке, и заметил:
– Никогда не видел вора за работой. Интересно.

– Да кто тебе сказал, что я вор? – проворчал Жак. – И Кантор тоже почему-то так решил...
Понимаю еще, почему меня принимают за мага, но воров-то зачем обзывать?

– Потому что у тебя Тень, – пояснил Мафей. – Вот Диего и подумал, что ты вор. Он видеть умеет. А как, по-твоему, можно называть человека, который взламывает замок с целью что-то украсть?

– Преданным другом, – серьезно ответил шут и открыл дверь. – Вот и готово. Пошли.

Они пересекли лабораторию и остановились перед другой дверью, скрытой за пестрой занавеской.

– О, тут уже посерьезнее, – заинтересовался Жак, разглядывая замок. – Давай-ка мешок.

Мафей снова с большим интересом понаблюдал «вора» за работой, потом, не удержавшись, спросил:

– А что это?

– Это? – «Вор» кивнул на коробочку, которую он пристраивал к замку. – Отмычка.

– Шутишь?

– Серьезно. Отмычка. А какая она, по-твоему, должна быть для электронных замков?
Помолчи минутку, не мешай.

Мафей послушно замолчал и вдруг отчетливо услышал какие-то сдавленные звуки, напоминающие плач.

– Жак, ты слышишь?

– Нет, – недовольно отозвался Жак. – Не мешай.

– Там внутри кто-то плачет.

– Да не слышу, говорю тебе. Я не эльф, у меня уши маленькие. Ты что, думаешь, он там кого-то взаперти держит?

– Не знаю, но там точно кто-то есть.

– Если ты заткнешься и перестанешь мне мешать, через пару минут мы это сами увидим.

Мафей снова замолчал, продолжая прислушиваться к звукам за дверью. Плач стих, затем послышался шорох и торопливые шаги.

– Амарго, это ты? – со слабой надеждой спросил из-за двери знакомый голос.

– Это я, Мафей. Что ты там делаешь? Тебя что, заперли?

– Нет, конечно, что за ерунда. А кто с тобой? И как ты сюда попал?

– Пешком, – проворчал Жак. – Через морг, чтоб он провалился. Открой, чтобы я замок не ломал.

– Ломай, – всхлипнули за дверью. – Я не знаю, как он открывается.

– А как же ты сам туда попал, страдалец?

– Телепортом.

– Понятно, – вздохнул Жак и обернулся к спутнику: – Это Карлсон?

Мафей молча кивнул.

Спустя пару минут, когда дверь была открыта, на взломщиков взирал зареванный Карлсон, он же принц Орландо, он же товарищ Пассионарио, любимый вождь и идеолог повстанцев Зеленых гор.

– Если ты сам сюда пришел и никто тебя не запирает, – поинтересовался королевский шут, рассматривая его, – то какого черта сидишь и плачешь?

– А какого черта плачет весь дворец? – проворчал мистралиец, утираясь рукавом. – Как вы сюда попали? Как вы вообще нашли это место?

– Да я его всегда знал, – нахально соврал Жак. – Только не догадывался, что дон Рауль, кроме того что является параллельно мэтром Альберто, еще и тот самый Амарго. Я его узнал,

просто молчал до сих пор. А сегодня он мне понадобился. Вернее, кое-что из его вещей. Если ты тоже в курсе, может, дашь, чтобы мы тут не шарили и ничего не трогали?

– Универсальный антидот? За этим вы пришли?

– Ты поразительно догадливый парень, Карлсон.

– Еще бы, – проворчал тот. – Я и сам за ним прибыл.

– Ну а с нами поделишься или придется грабить?

– Грабьте, – всхлипнул Орландо, кивая на тяжелую, бронированную дверь. – Если сумеете. Я тут уже все обшарил, ничего нет. Наверно, этот старый жлоб запер медикаменты в сейф, чтобы я наркотики не таскал. А сам уехал, и где его искать, не знаю... И как сейф этот открывать, тоже не знаю. Может, ты справишься? Ты ведь тот самый Жак, я правильно понял? Это ты открыл замок моего браслета?

– Вот чей браслет это был! – усмехнулся Жак, осматривая комнату. – Ладно, с воспоминаниями потом. Где контролька?

– Контролька – это что? – переспросил Пассионарио.

– Раз тут такой сейф, т-кабина и прочие родные и милые моему сердцу вещишки, значит, и комп где-то должен быть. Где? Или я ошибаюсь и этот сейф антикварный?

– Не понимаю.

– Объясняю для особо одаренных. Замки у этого сейфа открываются вручную или через контрольное устройство? Как его открывает хозяин, ты хоть раз видел?

– А-а, понял. Второй шкаф слева.

Жак ткнулся в указанный шкаф и обрадованно вскричал:

– Вот она, родимая! А я уж боялся, что он антикварный... сейчас посмотрим, что тут у нас...

– Жак, – осторожно спросил Мафей, – а ты умеешь открывать сейфы?

– Такие умею.

– А ты пробовал, или... как любит говорить Шеллар...

– Один раз пробовал. Успешно. Правда, этот посовременнее, но все равно... Надеюсь, тут не стоит бетонка и мне не придется полдня кропать фугас... Помолчи и не мешай.

Жак нахлобучил на голову некое подобие шлема, сунул руку в перчатку и остановился у раскрытого шкафа, возбужденно приговаривая:

– И где у нас тут контроль сейфа? Ну-ка показывай. Связь нам на фиг не нужна, разве что Вирусу привет с того света послать... Параметры т-кабины... Списки какие-то... Пошел на фиг со своим паролем, имел я тебя в виду... А вот так не хочешь? Никак? А откуда?... Ага, значит, только через трубу... Е-мое... Да он что, больной?

Орландо легонько толкнул Мафея в бок и шепнул:

– Теперь понял?

– Что понял? – переспросил органский принц.

– Почему называется «школа Перчатки и Шлема»?

– Действительно... Орландо, а что он делает?

– Он же сказал – сейф открывает.

– А разве так открывают сейфы?

– Ну он специалист, ему виднее... Он агент или просто переселенец?... Впрочем, что за дурацкие вопросы я задаю. Это же он, наверное, и есть тот самый парень, который нашуршал в Кастель Милагро и вытащил оттуда Кантора. Видимо, там он и открывал сейф в первый раз...

Мафей хотел было спросить, откуда это известно Пассионарио, и расспросить подробнее, но в этот момент Жак сорвал с головы шлем и обернулся к ним.

– Он что, ненормальный, ваш Амарго? У него мания преследования или как? На кой хрен здесь такая колючка? От кого тут так городиться? Кто сюда залезет? Тоже от тебя, чтобы наркоту в сейфе не нашел?

– Что такое колючка? – устало уточнил Орландо, которому, видно, уже надоело переспрашивать на каждом слове.

– Нейроимпульсная защита, если тебе так понятнее.

– А, защита... Так ведь он сетевой, через него идет связь с параллельным миром и с центральной базой данных агентства. Это от ваших ребят защита стоит, чтобы оттуда кто-то в базу не влез.

– И под эту защиту он запихал контроль своего несчастного сейфа с наркотой? Не мог снаружи оставить? И что теперь делать? – Жак вытащил руку из перчатки и сел на ближайший ящик, горестно уставившись в пол.

– А такую ты не можешь? – жалобно спросил Мафей, прекрасно понимая, что вопрос неуместен.

– Могу. Только не так быстро.

– А насколько быстро?

– Суток трое-четверо, если не спать. Или... нет, я не смогу. Я уже один раз полез через колючку, мне хватило... Да не смотрите на меня так! Это же рехнуться можно, когда на тебя смотрят умоляющими глазами сразу два эльфа!

Мафей поспешно опустил глаза, Орландо, напротив, посмотрел на Жака внимательнее.

– Это реальная опасность, – осторожно уточнил он. – Или фобия, как насчет мистралийцев?

– Реальная, – вздохнул взломщик и полез в мешок. – Ладно, попробую. Может, на этот раз повезет. Исперы же как-то лезят, значит, можно...

– Подожди, – мистралиец подошел, сел рядом и тронул его за плечо, – не торопись. Объясни, в чем здесь дело, почему ты так боишься и чем мы можем тебе помочь.

– Да ничем вы не можете помочь, толку вам объяснять... – Жак посмотрел на приспособление, которое достал из мешка, положил его рядом на пол и достал сигарету. – Сейчас, соберусь с духом и пойду. Все равно больше ничего не сделаешь... А если он умрет, я себе потом никогда не прощу, что струсил и даже не попробовал.

Орландо поднес ему волшебный огонек и продолжил расспросы:

– Чем реально опасна эта защита?

– Да убивает она насмерть, – проворчал Жак. – Ты думаешь, как я сюда переместился? Вот так же полез – и на колючку сел. Потому и боюсь... больше, чем следует.

– Мы можем как-то тебя подстраховать или пойти с тобой?

– Не хватало переться через колючку с двумя нулевичками на шее! Тут одному бы пролезть. А что вы можете сделать?... Да ничего. Стоять рядом и смотреть. Попробуйте, если я все-таки сяду, выдернуть штекер, может, это что-то даст. Сомневаюсь, но попробуйте. Если я закричу, выдирайте, на фиг, штекер и тащите скорее к мэтру, может, он что-то сможет сделать. Но если не сможет, уж будьте людьми, добейте. И не хватай ты меня руками, что я, ребенок маленький?

– Хорошо, – пообещал Орландо, не торопясь, впрочем, убирать руку. – Я не затем хватаюсь, чтобы тебя утешать... вернее, затем, но не так, как тебе кажется. Сейчас немного вот так посиди, и тебе будет не так страшно. Ты будешь чувствовать себя спокойно и уверенно. Мне кажется, это будет как раз то, что нужно. Спокойствие и уверенность. Уж потерпи, при физическом контакте у меня лучше получается.

– Ну спасибо, – вздохнул Жак. – Хоть что-то полезное... Ты эмпат, как Кантор?

– Лучше. Я управляемый.

– А Эльвира знает?

– Не помню, говорил я ей или нет... Ты что думаешь, я на нее как-то воздействую? Вовсе нет, она просто меня любит. Да и нельзя заставить человека любить таким образом. Воздействие быстро проходит, оно не постоянное. Если честно, я это сделал только один раз. Когда

впервые увидел. Внушил, чтобы она меня не боялась... и чтобы ей стало меня жалко. А то бы выгнала, на фиг, и меня бы стража в коридоре повязала. А больше ни разу. И нечего меня подозревать в недостойном и неподобающем.

Жак чуть усмехнулся:

– Понятно, почему ваша партия не испытывает недостатка в финансах. Тебя посылают выпрашивать?

– Ну не Кантора же... Ты как, лучше?

– Нормально. – Жак бросил окурок и поднялся. – Сейчас штекер прилажу и пойду.

– Может, давай все-таки я с тобой? – предложил Орландо, наблюдая, как он приспособливает свою странную штуковину со шнуром.

– Каким образом? В шлеме, что ли? У тебя что, блюдо от рождения с трещиной? Не вздумай, на таких оборотах туда вообще соваться нельзя. Шлем для этого не годится, такие вещи только на штекере делать можно.

– А второго у тебя нет?

– И куда ты егоставишь? В задницу?

– Для этого надо иметь импланты, – понял Пассионарио, не обращая внимание на грубость Жака. – А у тебя они есть?

– Конечно, есть. Один, правда, но больше мне и не надо.

– Ну тогда я просто встану рядом и буду тебя все время слушать. Штекер – это вот этот шнур? Именно его надо будет выдернуть, если что не так. Правильно? Не бойся, я успею. Все будет хорошо. Мафей, перестань реветь, иди сюда. Ты держать умеешь?

– Умею, – всхлипнул Мафей, подходя поближе. – А зачем?

– Вдруг понадобится. Стой здесь, рядом.

– Жаль, надо было Терезу взять... – вздохнул Жак. – Пусть бы хоть благословила, что ли... У нее получается. Ну, с богом.

Он приподнял волосы, вынул заглушку и вставил штекер в обнажившийся сокет.

– Разучился, – пожаловался он спустя несколько секунд. – Долго не практиковался. Принесите какой-нибудь стул, а то еще грохнусь.

– Тебе плохо? – всполошился Мафей, бросаясь к ближайшему стулу.

– Нет, здесь пространство устроено по-другому. Это нормально, просто я уже отвык. Спасибо. Ты не бойся, все нормально. Только постарайтесь не болтать, пока я не отойду подальше, а то я буду отвлекаться.

Эльфы замолчали, стоя по обе стороны от Жака и устремив на него две пары нечеловечески темных глаз. Один – с напряженным вниманием, другой – со страхом и надеждой.

– Как ты думаешь, – шепнул Мафей через несколько минут, – он уже далеко... ушел? Ничего, если мы будем говорить? Мне страшно так – все время молчать...

– Ничего, – ответил Орландо. – Только ты меня будешь отвлекать, я же слушаю.

– Тогда ты не молчи, а слушай и говори, что слышишь.

– Пока рассказывать нечего. У него все в порядке. Я его немного успокоил, ему теперь не страшно. А то ведь, знаешь, когда человек трясется от страха, обязательно ошибется в чем-нибудь.

– Если бы это у него навсегда осталось, – вздохнул юный эльф. – А то ведь он всего боится.

– Я заметил. Он просто очень восприимчив. Раз испугался – и фобия. Колючка, на которой он умер, мистральицы, которые его напугали в Кастель Милагро, кровь... а отчего он крови боится?

– Когда он был маленький, с ним произошел несчастный случай, – зашептал Мафей. – Автобус сорвался с моста и упал... Автобус, это такая большая карета, которая...

– Я знаю. Это он сам тебе рассказывал?

– Да. Там было очень высоко, почти все, кто был в карете, погибли. Жак очнулся среди кучи обломков и изувеченных трупов... С тех пор боится крови и покойников... Я тебя не отвлекаю?

– Нет, не очень. Я слушаю. Все в порядке. Нервничает немного. Надо будет спросить у папы, лечатся ли как-то эти фобии, или это для таких впечатлительных людей, как он, бесполезно. У меня ничего подобного не бывало. Я не боюсь ни крови, ни замкнутых пространств, ни высоты... А крыс вообще обожаю.

– Крыс?

– Ну да. Я три года просидел в каменном мешке пять локтей в длину и три в ширину. И там было полно крыс. Как ни странно, я не приобрел ни клаустрофобии, ни патологической ненависти к крысам. Я с ними играл, пробовал приручать, тренировал на них свои эмпатические способности. Полиарг на это не действует, так что можно было... Правда, на людях у меня потом еще долго не получалось... В общем, это я к тому, какие люди разные.

– Орландо, а ты чего-нибудь боишься? Вот так, чтобы всерьез?

– Конечно. Я панически боюсь снова потерять Силу. И еще постоянно боюсь сделать что-то не так, ошибиться... и навредить другим. Именно это у меня и получается лучше всего. Ведь правильно Амарго меня ругал, это из-за меня Кантора послали в Голдиану. Был бы я на месте, никто бы его без моего разрешения никуда не отправил. Если его там убьют или покалечат, не знаю, как я это переживу... И с антидотом этим, чтоб ему... Тоже ведь я виноват. Если бы я не таскал у Амарго наркотики, он бы не спрятал медикаменты в сейф...

– Ты не отвлекайся, слушай.

– Я слушаю. Только забыл спросить, а как же мы узнаем, когда он закончит?

– Наверное, сам скажет. Вынет свой штекер и скажет. Как он там?

– Пока нормально. Хоть бы у него получилось... Амарго меня, конечно, с дерьмом смешает за взломанный сейф и нарушение конспирации, но пошел он... Если бы не его идиотская конспирация, я бы уже давно столкнулся с Шелларом и, может, он бы мне что-нибудь полезное посоветовал.

– А... если все получится... ты к нему придешь?

– Приду. Пошлю Амарго... куда-нибудь, и приду.

– Приходи. Я тебя с мэтром Истраном познакомлю. Он сказал, что возьмет тебя в ученики.

– Он тебя все-таки прижал?

– Нет, он меня зеркалом отследил. И слышал весь наш разговор на скале.

– Я же говорил, что он тебя найдет. А что он тебе сказал?

– Что ты был прав.

– В чем?

– Да во всем. Насчет Шеллара и насчет эльфов, и вообще, ты ему понравился. А твой папа не появлялся?

– Нет. Он теперь пару лун вообще не появится. Как поживает ваша дама, которая в обмороки падает?

– Отлично. Она действительно осталась довольна и сознание терять перестала. А прочие ей завидуют. Камилла, та меня по три раза на дню достает вопросами, когда же этот эльф снова придет... А ты у Эльвиры был?

– Был. Она мне и рассказала, что у вас случилось. Никогда не думал, что Эльвира будет рыдать так и убиваться, она же всегда Шеллара недолюбливала... Подожди... Что-то Жак записывал, давай помолчим немного, я его успокою...

Мафей притих, всматриваясь в Жака и пытаясь определить по лицу, что с ним сейчас происходит, но ничего, кроме напряженного внимания, не заметил. «И почему я не эмпат... –

позавидовал он, не решаясь заговорить, чтобы не мешать. – Я бы тоже слушал... И не стоял бы без толку, как мебель...»

Он так и не решился больше начинать разговоры и отвлекать Орландо. Так они и простояли в тишине целую вечность. И когда вдруг раздался голос, Мафей даже вздрогнул от неожиданности.

– Все, – сказал Жак. – Я прошел. Сейчас открою.

Мистралиец чуть улыбнулся, легонько похлопал его по плечу и отошел.

– Хвала небу, – тихо сказал он и опустился на ящик, – хоть с этим все обошлось... Мафей, теперь-то не реви. Все ведь в порядке. Сейчас мы откроем этот растакой сейф, возьмем этот трижды перетакой антидот, пойдем к Шеллару... и никто не умрет. Давно мне уже так не везло. Вечно все умирают...

Что-то щелкнуло, лязгнуло и тихонько запищало.

– А ну заткнись, – сказал Жак, и писк прекратился. – Все, открывайте.

Он вынул штекер, встряхнул головой и тут же, охнув, вцепился в дверцы шкафа, чтобы не упасть.

– Жак, что с тобой? – испугался Мафей, бросаясь к нему.

– Да ничего, голова кружится... Говорю же, отвык. Сейчас пройдет. Вы пока лезьте в сейф, а я чуток посижу... Не бойся, ничего со мной уже не случится. Оказалось, все не так страшно. Наверное, в прошлый раз я сел на колючку исключительно с перепугу. Там очень даже просто можно пройти.

Орландо с трудом откатил тяжелую дверь и вошел в сейф, больше напоминавший средних размеров кладовку.

– Мама родная, чего тут только нет... – протянул он. – Целый арсенал. А где же медикаменты?

Мафей, не удержавшись, тоже сунул голову внутрь.

– Ух ты! А это что? Гитара? Она-то зачем в сейфе?

– Наверно, для пущей сохранности, – предположил Орландо и тоже, заинтересовавшись, потянул с полки тяжелый футляр.

– А что, Амарго каждый раз за ней в сейф лазит?

– Да он вообще играть не умеет. И не его это гитара. Я подозреваю... – принц щелкнул замками и откинул крышку футляра. – Ну точно. Она. И где он ее выцарапал, ее же, наверное, конфисковали вместе с остальными вещами...

– А чья это? – любопытствовал Мафей, рассматривая инструмент.

– Кантора, – вздохнул Орландо, погладил полированную деку и захлопнул крышку. – Вот ведь достал где-то, спрятал и хранит. Надеется, что когда-нибудь Кантор о ней вспомнит... могу поспорить, Кантор и не знает. Ладно, ставь на место, а я поищу... а вот они, и искать не пришлось.

– Нашли? – спросил Жак, подходя поближе и заглядывая через плечо Мафея. – Ой, правда, чего тут только нет... Понятно, откуда у людей неожиданно появляются обоймы посреди гостиной... А это что за ларец?

Орландо оторвался от ящика и мельком бросил взгляд на полку.

– Это корона дядюшки Ринальдо.

– Твоя корона, – негромко поправил его шут. – Теперь – твоя.

– Может, когда-нибудь будет моя, – пожал плечами мистралиец, между делом запихивая что-то в карман.

– Опять наркоту тибришь? – возмутился Жак. – Мы за этим сюда пришли?

– Это не наркота, – возразил Орландо. – Просто глюкоза. Я ее люблю, она сладкая.

– Как ребенок, ей-богу! Давай антидот ищи.

– Ищу, ищу. Он должен быть с такой ярко-зеленой полоской поперек...

- А он у него какой? Лялька, пчелка или нашлепка?
- Ты можешь говорить по-людски? Нашлепка – это дермопласт?
- Ну да. Я имею в виду ампула, шприц-тюбик или дермопласт?
- Да какая разница, что найдем...
- Просто, если ампула, он выпить не сможет.
- Мне Амарго шприц-тюбик давал, значит, должен быть...
- Вон он, ты пропустил. Нашлепки с зеленой полоской.
- Не пропустил, а еще не смотрел там. Ну все, пошли. Этот сейф как-то можно опять закрыть?
- Просто захлопни, не полезу же я опять через колючку, чтобы его закрыть. А ты умеешь с нашлепкой обращаться?
- А ты что, не умеешь?
- Я? Умею.
- Вот и прекрасно. Я же не пойду при дворе мелькать. Возьми на всякий случай три штуки. Останутся лишние, пусть припрячет, вдруг его еще раз отравят.
- А что мы скажем, если спросят, где взяли? – вспомнил Мафей.
- Скажем, Карлсон дал, – предложил Жак, сматывая шнур от штекера и запихивая в мешок. – А про мэтра Альберто королю ни слова, а то немедленно помчится с визитом. Он и так уже всех достал своими стремлениями к контакту. Даже Кантора пригрузил устроить ему встречу с Амарго.
- А откуда он о нем знает? – приостановился Орландо.
- Вычислил. Ладно, потом поговорим. Мафей, пошли. А ты? Тут останешься или куда-то сдернешь?
- Я... – Мистралиец замялся, затем виновато посмотрел на приятеля. – Мафей, тебе не трудно будет отправить меня... к Эльвире?
- Пожалуйста. А что, ты сам не можешь?
- Боюсь, не получится, – вздохнул Орландо. – Слишком устал. Могу промахнуться.
- Почему тогда не домой?
- А вдруг припрется Амарго и будет скандал? А у нее я отдохну и тогда уже домой отправлюсь. Только Шеллару не говори, что я во дворце, а то ведь встанет и побежит приветствовать.
- Думаешь, он прямо так сразу и встанет?
- Почти. Может, полчаса полежит, а потом все будет в порядке.
- Ну да, – усмехнулся Жак. – Да еще его неугомонное величество... он и эти полчаса не пролежит спокойно.
- Вы ему скажите, пусть не вскакивает и не начинает бегать по дворцу и продолжать свадьбу. Сначала пусть поспит хоть немного, так лучше будет. По себе знаю.
- А ты что, пользовался?
- Да меня регулярно травят, – вздохнул Орландо. – В среднем каждые две-три луны. А еще у меня есть дурацкая манера в задумчивости наступать на змей и скорпионов... Бегите, ребята. Передавайте Шеллару привет.
- Обязательно, – счастливо улыбнулся Мафей и обвел вокруг него невидимый полукруг.

Глава 3

Хотя жители Запада, вопреки расхожему мнению, в целом являются людьми цивилизованными и культурными, некоторые их обычаи иначе как варварскими назвать невозможно.

Из мемуаров преподобного Чена

Поразмыслив, стоит ли пытаться говорить с мэтром Истраном в присутствии Киры, Шеллар все же решил оставить это на крайний случай. Бедняжка и так извелась, не хватало ей только призрака услышать... Вполне можно представить, что она ему скажет первым делом. Лучше уж подождать Мафея, а пока заняться поисками почивших раньше дорогих родственников, ставших призраками. И нашел же мальчишка время по гостям бегать, не мог на месте посидеть. Все этот Жак с его безумными идеями!.. Еще эти призраки неуловимые... нарочно прячутся, что ли? Или у них выходной? А может, так у них принято – прятаться и не показываться, когда кто-нибудь умирает?

Король оглядел гостиную, и ему вдруг стало до боли тоскливо. Почему-то вспомнилась ночь перед коронацией, розовые слоники и соратники кузена Элмара. Интересно, бродит ли сейчас по пещере дракона призрак прекрасной лучницы, или она все же ушла туда, куда отправляются все?

В спальне в очередной раз всхлипнула Кира, и что-то негромко сказал мэтр Истран.

«Ведь он здесь уже больше ста лет, – вдруг подумал Шеллар. – Четыре поколения королей принял на руки при рождении и проводил в последний путь. Каково это – видеть, как на твоих глазах старится и умирает вчерашний мальчишка, которого ты воспитывал с младенчества? Неужели к этому можно привыкнуть? Мафея-то он уверяет, что можно, а вот что чувствует сам?... Вот и я ухожу из его жизни, потом уйдет и Элмар... Вырастут дети Элмара и тоже состарятся и уйдут... А мэтр будет встречать и провожать каждое поколение еще лет сто, не меньше. Во всяком случае, пока не вырастет Мафей. Мэтр еще крепкий старик, и при его могуществе проживет неограниченное время. Он только выглядит стариком, говорят, маги выглядят на столько, на сколько они себя ощущают в душе. Этель, к примеру, все свои восемьдесят лет чувствует себя шкодливым подростком, такой она и выглядит. Шанкар казался ровесником Элмара, а на самом деле был чуть ли не сверстником мэтра Истрана...»

Кира, милая, да что ж ты так убиваешься, разве подобает воину плакать? Неужели действительно так меня любишь? Я думал, ты выходишь за меня замуж только из уважения... из чувства долга перед государством... или потому, что я единственный мог спокойно смотреть на твое лицо... или просто постеснялась отказать. Я так и не поверил, что ты не льстишь мне насчет божественных поцелуев и всего прочего, что ты мне тогда наговорила. Постигни вас, женщин... Эльфов и то понять проще».

Шеллар снова почувствовал непреодолимое желание подойти и обнять любимую... Как-то некстати даже подумалось, что он был вопиюще несправедлив к своему бедному телу. Не самое лучшее, конечно, не самое красивое, но по крайней мере оно было живое и способное двигаться, мыслить и разговаривать. Теперь его величество был бы рад и такому, и похуже, и увечному, и больному, лишь бы смог, как прежде, дышать, осязать, протянуть руку и прикоснуться к ее плечу... нет, что это он, в самом деле, сопли распустил?... Не подобает. И недостойно. Ваше величество, вам просто-напросто хочется жить, вот вы и ноете не по делу. Всем хочется жить. Но раз уж не получается, извольте умереть достойно, без нытья, жалоб и мечтаний о несбыточном. И вообще, нечего торчать посреди гостиной, займитесь делом. А то пока вы будете тут стоять... то есть висеть... и страдать, вас похоронят, и плакали ваши планы давать советы бестолковому кузену. А это просто необходимо, а то наворотит чего-нибудь похлеще,

чем его батюшка устроил с этой Комиссией... Первый паладин ведь документы читать вообще не умеет, разве что в стихах их станут составлять.

У дверей спальни возникло серое облачко, и из него показались Жак с Мафеем, странно просветленные и явно чем-то очень довольные.

– Мафей! – окликнул король. – Где тебя носило? Я жду, а тебя все нет...

Мальчишка огляделся, встревоженно пробежал глазами по комнате и безошибочно остановил взгляд на Шелларе.

– Жак, ты иди... – неуверенно сказал он. – Я сейчас... одну минутку.

– А что случилось? – не понял шут. Он, разумеется, ничего не видел и не слышал. Куда ему разглядеть призраков, если он даже иллюзий не видит. – Что-то не так?

– Нет, иди. Скорее. Сейчас приду. Жак, давай быстрее, не тяни.

– Ну ладно... – пожал плечами так ничего и не понявший шут и скрылся за дверью.

А Мафей сделал несколько неуверенных шагов вперед и тихонько спросил:

– Шеллар, это ты? Здесь, у стола.

– Я, малыш, – улыбнулся король. – Ты меня видишь и слышишь? Это замечательно. Послушай, скажи...

– Шеллар, – чуть не плача, вскрикнул принц, – ты... призраком? Значит, ты уже умер? Мы опоздали? Ведь мэтр сказал...

– Да нет, я еще не умер, но собираюсь. А куда вы так торопились? Что опять придумал Жак?

Мафей подошел ближе и попытался дотронуться до Шеллара рукой.

– А как у тебя так получилось? – спросил он. – Это что, все становятся призраками? Или только особенные?

Король заметил, что мальчишка опять уходит от ответа, но настаивать не стал.

– Мафей, выслушай, пожалуйста, что я тебе скажу. И передай всем. Когда я умру, не хороните меня и не проводите никаких обрядов. Иначе я не смогу стать призраком и остаться с вами, а я этого очень хочу. Ты понял?

– Понял, – кивнул Мафей. – Только ты и мэтру тоже скажи, а то мне могут не поверить. Скажут, ребенок от горя рассудком подвинулся или еще чего. А как же... как это все...

– Ты имеешь в виду, как это объяснить общественности? Да что ты как маленький, не знаешь, как это делается? Никому ничего не надо говорить, просто подменить тело – и вся премудрость. Мафей, как ты думаешь, мэтр Истран нормально воспримет, если я... покажусь ему на глаза в таком виде? Или он меня просто не увидит?

– Не знаю... Я спрошу... А вообще, ты не спеши, может, ты еще и не умрешь. Жак как раз пошел тебя спасать, так что...

– Спасать? – Король оглянулся на дверь, за которой скрылся его шут, и печально усмехнулся, не позволяя безумной надежде завладеть им и ослабить его решимость. – Каким образом? Ты же знаешь, что это невозможно.

– А Жак сказал, что... Шеллар, что с тобой? Ты таешь!

– Я знаю, – отозвался король, понимая, что закончить этот разговор уже не успеет. Во всяком случае сейчас.

Карлсона долго не было, и Эльвира уже решила, что сегодня ждать бесполезно. Наверное, он и не придет. Она долго пыталась понять, почему возлюбленный так быстро убежал, ничего не объясняя, и в конце концов решила, что он просто постеснялся плакать при ней. Эти мистральицы со своими дурацкими представлениями о том, что подобает мужчине, а что нет... Что ему стоило остаться, поплакали бы вместе. А теперь он, конечно, не явится. Своей зарезанной мордашкой постесняется. Вот уж мужики...

Но ее возлюбленный все же вернулся. Как она и думала, с покрасневшими и припухшими глазами, явственно говорившими о том, что совсем недавно он горько плакал. Карлсон устало улыбнулся и потянулся к ней.

– Вот и все, – сказал он. – Теперь все будет хорошо.

Эльвира без возражений позволила себя обнять, не преминув при этом уточнить:

– Что именно будет хорошо? И где ты был? Так внезапно исчез...

– Извини, я просто торопился. А хорошо будет все. Шеллар не умрет, никто не будет плакать, я к нему приду, как он просил, и нам с тобой можно будет уже не прятаться... В общем, все. Может, даже конца света не будет.

– Какого конца света?

– Никакого. Я тебе потом как-нибудь расскажу. Не сейчас. Я устал и хочу спать.

– Подожди, к демонам конец света, ты сказал, что король не умрет? Это правда? Ты смог что-то сделать?

– Правда, правда. Честное слово.

– Но... как?

– Видишь ли, противоядие все-таки существует, просто об этом никто не знает. Не спрашивай меня, пожалуйста, это тайна... одной малоизвестной магической школы.

Поняв, что ей опять начинают совать фиалки за уши, Эльвира вздохнула и оставила эту тему. В конце концов, разве так важно, каким образом Карлсон ухитрится спасти короля? Главное, чтобы это все-таки удалось, а если так, то все действительно будет хорошо. Будто и не было этих кошмарных часов, когда она рыдала, разрываясь от горя, проклинала несправедливую судьбу и с ужасом представляла, каким будет этот мир без него и что станет с бедной Кирой... Милый врунишка Карлсон, как бы ты это ни сделал, пусть это будет твоей тайной, если ты так хочешь...

– Так что, – улыбнулась она, – ты так хочешь спать, что мы даже не выпьем за здоровье молодоженов?

– Ну... – Карлсон заколебался, посмотрел на стол и, видимо заметив варенье, не устоял. – Немножко можно. Все-таки свадьба... если это можно так назвать...

Эльвира засмеялась и полезла в шкафчик, где у нее была припрятана бутылка вина, дожидаясь какого-нибудь особенного случая.

– Действительно, когда это у его величества хоть что-то было как у всех людей? Разве у него могла состояться нормальная человеческая свадьба?

– О-о! – засмеялся и Карлсон. – А можешь себе представить, когда он и в самом деле умрет, какие у него будут похороны? По логике вещей, это, скорей всего, будут самые веселые похороны в истории.

– Не представляю я себе веселые похороны никоим образом, – снова помрачнела Эльвира. – И я тебя прошу, не надо о подобных вещах. Хватит с меня на сегодня грусти.

– Извини, – улыбнулся Карлсон, – не буду. Давай бутылку, я открою. А как ты думаешь, Эльвира, почему твоя подруга все-таки согласилась выйти за него замуж? Он-то, понятно, любит ее без памяти, это любому теперь ясно. А она? Как он ее уломал?

– Видишь ли... Кира... она немного странная, как все женщины-воительницы. Когда за ней ухаживали, как за нормальной женщиной, это в ней не пробуждало никаких чувств. А стоило ей один раз попасть в неприятность в компании его величества, она тут же прониклась к нему таким восторженным обожанием, какого я за ней прежде вообще не замечала. Она мне три вечера подряд рассказывала, какой он бесстрашный, мужественный и как бы она с ним хоть в битву, хоть в разведку, хоть на подвиги...

– Хоть замуж, – добавил Карлсон, разливая вино по бокалам. – А что с ними случилось?

– На них напали анкруссы, и они полдня просидели на дереве.

– На дереве? Умора! Ты представляешь себе Шеллара на дереве? Как он туда залез, он же не умеет!

– Откуда я знаю? Как-то забрался. Ты сначала тоже летать не умел.

– В общем, тоже верно... И что он такого героического сделал, сидя на дереве?

– Да ничего. Просто не испугался, что ей и понравилось... Я, если честно, сама не могу понять. Он вообще не умеет бояться, это нормальное для него состояние, что тут особенного? И еще на этом самом дереве он ей и предложение сделал.

– Вполне в его духе, – засмеялся Карлсон. – Здоровая практичность. Если есть свободное время, то чего оно должно пропадать? Надо его с пользой употребить. Мне только интересно, какая у них все-таки получится семья.

– Не представляю, – призналась Эльвира. – Я вполне представляю Киру королевой, главнокомандующим, кем угодно, но беременная Кира... это что-то из области сказок.

– Ничего, привыкнешь. Ты же ее первая дама. Еще и принцев нянчить будешь. Ты детей любишь?

– Не знаю, я никогда не имела с ними дела.

– Вот и узнаешь. А то я их очень люблю и хочу иметь штук пять, не меньше.

– Это твои проблемы, – злорадно заявила Эльвира, вспомнив вдруг, как он обещал жениться на ней, как только завоюет себе королевство. А она еще приняла это за шутку. – По мне, так и одного хватит. А то тебе хочется, а я должна себе фигуру портить.

– Ладно, потом разберемся, – поспешил уйти от конфликтной темы любитель детей. – Нет, не наливай мне больше, а то напьюсь – и как начну чудить...

– Вроде твоего папы? – уточнила Эльвира. – Который приперся к нам в гости и чуть не снял штаны в присутствии семи дам? Ты тоже так делаешь? Это у тебя наследственное?

– Нет, – засмеялся Карлсон. – Я творю такое, что мой папа со своими штанами просто отдыхает. Мафей говорил, папа тут имел бешеный успех.

– Не то слово! Наши кобылицы чуть не убили друг дружку из-за него. Надо было видеть, словами это не описать. Одного пьяного Мафея было уже достаточно, чтобы в обморок рухнуть. А тут еще твой папа... сколько ему лет? Он же не мальчишка, так себя вести! Или он настолько был пьян?...

– Папе сто семнадцать. И, судя по тому, сколько они с Мафеем выпили, он был вообще почти трезвый, ну, может, слегка навеселе, просто дурака валял. Он любит подурочиться перед дамами.

– Это у вас тоже наследственное, – констатировала Эльвира.

– Ты о чем? Когда это я перед тобой дурака валял?

– Все время, что мы знакомы. А ну-ка скажи честно, Мафей знает, кто ты такой на самом деле?

Карлсон покраснел и потупился.

– Мафей – маг, – пробормотал он. – Перед ним дурака не поваляешь.

– А передо мной, значит, можно? Можно морочить мне голову и нести всякую чушь, когда ненароком сболтнешь о себе лишнее? Получается, все о тебе знают – твой друг Диего, Мафей и даже король, хотя ему никто не говорил, а я должна развешивать уши и слушать сказки, пока не придет однажды его хитроумное величество и не намекнет? Тебе не стыдно?

Пристыженный обманщик тяжело вздохнул и приналег на варенье.

– Я же не нарочно, – сказал он. – У нас же конспирация... Мне нельзя... А как Шеллар узнал? Да что я спрашиваю... Конечно, сам вычислил. Послушал, что Луи наутро рассказал, и все понял... А что он тебе сказал?

– Просил тебе передать, что нехорошо забывать старых друзей и прятаться от них. А еще ненавязчиво напомнил о твоём пророчестве... А я-то, дура, думала, что ты шутил насчет завоевания королевства.

– Ну... Тогда действительно шутил. Я же не знал еще, что у нас так замечательно все сложится. А вот сейчас серьезно говорю. Выходи за меня замуж. Сейчас. Побудешь пока принцессой в изгнании, разве для тебя так уж обязательно быть королевой? Или тебе хочется непременно пышную свадьбу?

– Хочется, – честно ответила Эльвира. – Хочется нормальную торжественную свадьбу, гостей, свадебное платье и грандиозное гульбище. Хотя я сомневаюсь, что это получится. У вас с его величеством есть что-то общее, и я боюсь, что у тебя тоже свадьба получится какая-нибудь особенная. Да еще пятерых детей тебе вынь да положь... Давай лучше подождем немного. Я посмотрю на твое поведение. А для начала честно расскажешь все то, о чем ты мне до этих пор вдохновенно врал. А станешь обманывать меня впредь, вообще не выйду за тебя замуж.

Карлсон тяжело вздохнул и отставил пустую вазочку.

– Плохо быть бездомным принцем. Даже любимую женщину уговорить выйти замуж проблема. Затащить тебя на какое-нибудь дерево, что ли? Я здорово по деревьям лазаю, лучше любой белки.

– Не сомневаюсь, – согласилась Эльвира. – Но меня этим не убедишь. Тем более, по моим предположениям, на этом дереве мы и останемся жить, поскольку другого жилища у тебя нет.

– Почему, есть. У меня есть отдельная хижина... ну почти отдельная. В одной комнате живу я, а в другой – моя охрана. Если уж говорить честно, то их всего девять человек.

– Ничего себе! Скромный пропагандист...

– А разве нет? Я просто образец скромности! И действительно пропагандист. Хочешь, я тебе речь скажу? Послушаешь и сразу же побежишь записываться в мою партию.

– В твою партию?

– Ну да, раз я считаюсь главой, значит, она моя... Знаешь, если уж ты настроена на долгий и откровенный разговор, давай продолжим его в постели. Я действительно устал и ужасно хочу скорей куда-нибудь прилечь. Хоть на пол, если ты на меня так обижена, что в постель не пустишь.

– А ты не уснешь?

– Постараюсь. А если усну, продолжим завтра.

Эльвира посмотрела в жалобные и виноватые глаза возлюбленного и поняла, что вряд ли когда-либо научится всерьез на него обижаться.

Это было неправильно, невероятно и столь восхитительно, что король поначалу не решился поверить, что он действительно ощущает свое тело и это ощущение не сопровождается очередным приступом изматывающей боли. Он даже сделал контрольную попытку взлететь, но ничего не вышло, и это окончательно убедило Шеллара, что на этот раз он действительно пребывает в собственном теле. Через некоторое время он ощутил кожей ткань простыни, почувствовал боль в мышцах, задышал и отчетливо услышал стук собственного сердца, и при этом смог действительно спокойно расслабиться, а не биться в судорогах. Его величество осторожно открыл глаза и увидел, что все присутствующие в комнате – Кира, Жак, Мафей и почтенные мэтры – сидят вокруг него и всматриваются в его лицо со страхом и затаенной надеждой, словно в ожидании невозможного чуда.

– Мэтр, он открыл глаза! – вскрикнул Мафей.

Кира всхлипнула и порывисто схватила короля за руку:

– Шеллар! Скажи что-нибудь!

Король осторожно попробовал, в состоянии ли он снова говорить.

– Тише, господа, – сказал мэтр Истран и положил ему руку на грудь. Ладонь была горячая, как обычно при медосмотре. – Не кричите и не ахайте. И не задавайте вопросы наперебой. Ваше величество, вы можете что-то сказать?

– Не знаю... – хрипло выговорил король.

На лицах близких сначала появилось выражение крайней озадаченности, затем Кира снова заплакала, Жак и Мафей радостно завизжали и бросились обнимать друг дружку, а мэтр с улыбкой сказал, пристально глядя его величеству в глаза:

– Что ж, теперь знаете. Как вы себя чувствуете?

– Живым, – серьезно ответил Шеллар и поспешил уточнить, все еще не веря в чудеса: – Мэтр, скажите честно, я умру?

– Разумеется, умрете, – улыбнулся маг. – Все мы не бессмертны. Лет через сорок, если, конечно, больше не будете подставляться под различные метательные орудия. А то и позже, если еще и курить бросите.

Король едва удержался, чтобы не расхохотаться вслух от переполнившей его безумной радости. Жить! Дышать, двигаться, говорить и обнимать любимую женщину! Что может быть прекраснее, чего можно еще желать и что еще нужно человеку, чтобы быть счастливым?!

Видимо, при попытке сдержать смех его лицо немного перекошило, потому что все тут же настороженно притихли, а Чен поинтересовался:

– Простите, мэтр, вы уверены, что его величество в состоянии оценить ваш тонкий юмор? Король все-таки не выдержал и рассмеялся.

– Не дождетесь! – решительно заявил он. – Не брошу! Курил и буду курить!

– Извольте видеть, – развел руками мэтр Истран. – Его величество в полном душевном здравии и вполне способен не только понимать шутки, но и отвечать на них.

– И совершенно счастлив! – добавил король. Затем полюбовался на своих близких, которые по-прежнему сидели вокруг и смотрели на него с восторгом и обожанием, улыбаясь сквозь слезы, и чуть не прослезился сам от внезапно нахлынувшей нежности ко всем людям, которые так его любят, настолько боятся его потерять, что способны творить чудеса ради его спасения. – Господа, – сказал он, продолжая счастливо улыбаться, – я вам никогда не говорил, как я вас всех люблю?

– Кажется, нет, – ответил мэтр, пряча улыбку, но не в силах скрыть веселые искорки, заплывавшие в его глазах. – Но мы как-то и сами догадывались. И смею вас уверить, мы не менее счастливы. Однако, несмотря на это, я бы рекомендовал всем отложить проявления восторга хотя бы до завтра и покинуть комнату. А вам, ваше величество, как следует отдохнуть.

– Отдыхать? – Король поспешно попытался привстать. – Но, мэтр, все не так плохо, я...

– И думать не смейте вставать! – нахмурился придворный маг. – Ложитесь спать.

– Но я не хочу спать! У меня сегодня свадьба, а вы меня спать укладываете!

– О вашей, с позволения сказать, свадьбе поговорим завтра, – строго сказал мэтр Истран. – Извольте немедленно лечь, или я вас сам усыплю.

– Не надо, – спохватился Шеллар, поняв, что со старика вполне станет исполнить угрозу. – Хорошо, вы специалист, вам лучше знать. Только позвольте мне сначала закурить.

– Может, вам еще и выпить поднести? – возмутился мэтр. – А может, Камиллу позвать?

– Мэтр! – обиделся король. – Я женатый человек, зачем мне Камилла? А вот выкурить трубку и выпить рюмочку коньяка было бы неплохо... на сон грядущий.

Мафей захихикал и хитро покосился на мистика, который почему-то вдруг странно посерьезнел и опечалился. А Жак с умилением смотрел на короля.

– Потерпите, – сказал он. – Пока нельзя. Хотя бы до завтрашнего дня. Все равно никотин на вас не подействует, так что нет смысла курить. И алкоголь не подействует. Это ведь тоже яды... И не вставайте хотя бы полчаса. А еще лучше поспать, как мэтр советует.

– Жак, – растроганно произнес Шеллар и запнулся, не находя слов, которые могли бы в полной мере выразить его благодарность. – Я... Как ты смог...

– Завтра, все разговоры завтра, – перебил их мэтр Истран. – Утром будете задавать вопросы, благодарить и... делиться впечатлениями. – Он подобрал валявшуюся на постели

пластинку с ярко-зеленой полосой, задумчиво подбросил на ладони и улыбнулся. – А если будете себя хорошо вести, я расскажу вам кое-что невероятно занимательное.

– Хорошо, – согласился король. – Завтра так завтра. Только не уходите пока. Хоть пять минут. Я понимаю, обнять вас всех мне не позволят, так дайте я хоть на вас посмотрю. И все-таки скажу спасибо, поскольку у меня все равно нет слов, чтобы выразить мою благодарность, и вряд ли они вообще существуют...

– Да на здоровье, – засмеялся Жак. – Пошутить вам про что-нибудь?

– Пошутить, – улыбнулся король, чувствуя, что жизнь снова входит в привычное. Жак немедленно повернулся к мистика и объявил:

– Преподобный Чен, вы мне проспорили десять щелбанов. А также пять мэтру Истрану. Извольте расплатиться.

Чен уныло снял шапочку и подставил королевскому шуту свой широкий, гладко выбритый лоб.

– Прошу, – вежливо сказал он. – Мое невежество заслуживает достойного наказания.

– Жак, ты неисправим! – засмеялся король. – Хлебом не корми, дай с кем-то поспорить. Даже почтенных мэтров втянул в дразги! О чем был спор в этот раз?

– О вас, – пояснил Жак, старательно отмеривая хинскому мистика его проигрыш. – Один. Я сказал, что поможет... два... а он уперся – не существует противоядия, и все тут! Три. Вот я его и научил, как на щелбаны спорить. Четыре. А когда уже стало ясно, что я был прав, они с мэтром Истраном... пять... завели научный спор на медицинскую тему. Шесть. Преподобный Чен утверждал, что вы еще пару недель будете поправляться... семь... а мэтр Истран сказал, что вы с минуты на минуту придете в сознание и первым делом попытаетесь встать... восемь... а затем немедленно попросите закурить. Девять. Так оно и вышло. Десять. Прошу вас, мэтр.

– Как это вас угораздило поддаться на провокацию? – посочувствовал король, давась от смеха при виде сокрушенной физиономии придворного мистика. – Да еще спорить с мэтром Истраном! Он же меня знает как облупленного, и практически не ошибается в таких случаях. Ну что же, мэтр? Приступайте, я очень хочу посмотреть, как вы будете лепить щелбаны своему коллеге.

– Я всегда замечал за вами нездоровый интерес к неким неподобающим зрелищам, – проворчал старый волшебник. – Нет уж, увольте. Я не считаю себя вправе требовать с преподобного Чена его проигрыш, поскольку действительно знаю вас с момента рождения и имел перед противником слишком явное преимущество, на которое ему своевременно не указал. Следовательно, наш спор был нечестным и должен быть аннулирован.

– Ценю ваше великодушие, – возразил мистик, – но я должен был догадаться обо всем сам и не спорить с вами. Моя самонадеянность была неуместной и также заслуживает наказания. Прошу вас.

– Не здесь, – окончательно смутился мэтр. – Не в присутствии его величества и... э-э... молодежи.

– Почему? – возразил король. – Я очень хочу посмотреть. И молодежь тоже.

– У вас есть шут, вот пусть он вас и развлекает, – проворчал мэтр Истран. – А то я вижу, мы с ним окончательно поменялись ролями. Он лечит, а я служу развлечением. Должен вас всех разочаровать, свой проигрыш преподобный Чен уплатит в моей лаборатории без свидетелей. И вообще, господа, давайте удалимся и дадим его величеству возможность спокойно отдохнуть.

– Постойте, – спохватился его величество, – не уходите. Я не успел сказать кое-что важное...

– Ваше величество, – серьезно и необычно ласково сказал старый маг, словно обращался к больному ребенку, – вы уже не умираете. Все, что вы хотите сказать, вы успеете сказать завтра.

– Нет-нет, это срочно... Во-первых, скажите Элмару, что со мной все в порядке и пусть успокоится. А то он с горя уже напился как студент. Он у Мафея в учебной комнате, сидит в непотребном состоянии, предается самобичеванию и откровенничает с малознакомым эльфом. А завтра, как всегда, проспится – и ему опять будет стыдно. И девочкам скажите, а то на них смотреть страшно, Ольга вообще в истерике... Да, и обязательно найдите Флавиуса, объясните ему, что я не умру, и передайте, что я строго-настрого запрещаю ему всяческие бредовые идеи касательно ритуальных самоубийств. Пусть не страдает ерундой, а занимается делом.

– Хорошо, – кивнул мэтр Истран. – Вы совершенно правы, это действительно срочно, а то господин Флавиус и в самом деле с горя может натворить непоправимого. Я его сам найду и лично обо всем позабочусь. А что вы там изволили говорить об эльфах?

– Там сидит какой-то эльф, – пояснил король. – Наверное, к Мафею в гости пришел.

– Ваше величество, – ахнул Жак, – откуда вы знаете, что делается в комнате у Мафея?

– Потому что я там был, – начал Шеллар, но наставник его тут же перебил:

– Нет-нет, вы опять затеяли долгий разговор. Пойдемте, господа, а то его величество так и не угомонится. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – улыбнулся король и поймал за руку супругу, которая тоже вознамерилась встать и удалиться. – Ваше величество, могу я вас попросить остаться со мной?

Кира растерянно посмотрела на него, затем вопросительно на мэтра Истрана. Жак и Мафей вдруг захохотали, а Чен с видом человека, полностью покорного судьбе, развел руками:

– Что ж, уважаемый мэтр, я полностью признаю свою некомпетентность. С меня еще пять шелбанов.

Сам же мэтр сделал строгое лицо, по-прежнему не в силах скрыть искорки смеха в глазах, и сообщил:

– Ваше величество, если вы замахнулись на супружеский долг, то уверяю вас, что вы себя переоцениваете. Извольте спать, а то и в самом деле усну. И примите во внимание, что ее величество тоже нуждается в отдыхе после всего, что ей сегодня пришлось пережить.

– Разумеется, – согласился король. – Только я не понимаю, зачем ей для этого нужно куда-то уходить. Возможно, вы еще просто к этому не привыкли, но Кира – моя супруга. Это ее спальня, а это ее кровать, в которой ей и надлежит отдыхать. Если, конечно, ее не тяготит мое общество.

– Шеллар! – укоризненно ахнула Кира. – Как ты можешь такое говорить!

– Да, – вздохнул придворный маг. – Как я уже упоминал, вам иногда удается находить приемлемые возражения... И чем старше вы становитесь, тем убедительнее они звучат. В этом отношении вы напоминаете мне вашего покойного дедушку. Тот годам к шестидесяти вообще достиг небывалого мастерства. Пойдемте, господа.

– Только расскажите все Эльвире, – попросила королева, – она ведь тоже переживает, а я к ней, наверное, так и не зайду сегодня...

– И нечего вам туда ходить, – усмехнулся Жак. – Вряд ли там будут очень рады, если кто-то вломится. Ей уже обо всем сказали. Было кому.

– Он здесь? – загорелся король, в очередной раз приподнимаясь на своем ложе. – Вы его видели?

– Здесь, – сказал Мафей. – Лежи спокойно. Он передавал тебе привет и обещал обязательно зайти, как ты и просил. Но не сегодня же.

– Вот именно, не сегодня, – подхватил мэтр Истран, подталкивая к выходу разговорчивую молодежь. – Ваше величество, прислать к вам кого-то из придворных дам, чтобы помогли вам снять платье?

– Мне только придворных дам не хватало здесь в день моей свадьбы! – окрысился король. – Сами разберемся. Спокойной ночи, господа. Хотя я сомневаюсь, что у вас она будет спокойной.

– Разумеется, – хитро прищурился Жак. – Этой ночью мы будем изо всех сил веселиться и пить за ваше здоровье. Кстати, помнится, Ольга обещала вам кричать «горько!» на свадебном пиру?

– Что это значит? – не поняла Кира.

– Это обычай ее родины, – с улыбкой пояснил король. – Гости кричат, что им горько, чтобы жених с невестой поцеловались... и стало сладко. Только, к сожалению, свадебный пир не состоялся, да и Ольги здесь нет.

– Здесь есть я, – подмигнул Жак и, увернувшись от подзатыльника, которым его попытался наградить мэтр Истран, весело завопил: – Горько!

Его величество все-таки приподнялся и дотянулся до супруги, которая, осознав важность момента, тоже поспешила к нему наклониться.

И уж неизвестно, каково было гостям, а ему точно стало сладко. Так сладко, что у мэтра просто не поднялась рука усыпить-таки своего неугомонного короля.

«Не плачь, любимая. Зачем? Все ведь хорошо, все просто прекрасно. Иди ко мне, дай тебя обнять. Я весь вечер только об этом и мечтал. Как ужасно стоять рядом и не иметь возможности поговорить с тобой, прикоснуться к тебе... В этом, наверное, и состоит все неудобство призрачного состояния... Да что я все о плохом, жизнь прекрасна, и не стоит плакать, право же, не стоит. Все хорошо, мы живы и будем жить... жить долго и счастливо, как и положено в порядочной сказке. Как это замечательно – быть живым, чувствовать тепло твоего тела, запах твоих волос, соленый вкус твоей кожи... Не плачь, Кира, все будет хорошо. Я тебе обещаю. С нами больше ничего не случится. У нас будут дети, славные, здоровые и нормальные, не такие, как я, уже не тронутые никаким дедушкиным проклятием... Я тебе потом расскажу, просто поверь мне, что все будет хорошо. Нет, что ты, мне не больно. Почти совсем. И не плохо. Мне хорошо. Замечательно. Восхитительно. Я счастлив. Невозможно описать, как я счастлив. Надо сначала умереть, чтобы понять, как прекрасна жизнь. Надо провести полдня, то корчась в судорогах, то слоняясь по дворцу в виде призрака, чтобы в полной мере познать всю прелесть собственного существования и научиться радоваться каждой мелочи, всему, что казалось незаметным и незначительным до сих пор... Научиться ценить саму жизнь, мир, который тебя окружает, людей, которым ты дорог... Не плачь, Кира, я люблю тебя, моя королева, моя лучшая в мире женщина. Я никогда не говорил тебе об этом, потому что... ну не привык говорить такие слова. Я никому этого не говорил... Что значит – зачем? Как это – зачем? Да что ты такое говоришь, Кира, не смей больше этого произносить! Я бы не пережил, если б это случилось с тобой. Ничего бы не стряслось с этой страной, она видала королей и похуже, чем Элмар. А потвоему, безумец на троне был бы лучше? Не говори больше об этом, забудь и не вспоминай. И сними это платье, тебе же в нем неудобно. Сними и ложись в постель, тебе действительно надо отдохнуть после такой свадьбы. Как – не умеешь, а как же ты в таком случае его надела? Что ж, звать теперь Эльвиру, чтобы расшнуровала, будет несколько неуместно... повернись, я тебе помогу. Смешная ты девушка, королева моя, отчего же я должен не уметь? Мне тридцать три года, и, хвала богам, я не впервые в жизни раздеваю женщину... возможно, это звучит нескромно, но такова уж житейская правда. Ну, может, так и бывает, я не спорю.

Вполне допустимо, что попадают такие лопухи, которые за всю жизнь не могут научиться. А я... тебе это покажется смешным, а может, ты подумаешь, что я ненормальный, но могу рассказать. В конце концов, это и в самом деле немного смешно, а то, что я ненормальный, ни для кого не секрет... Вот и все, вынимай руки... Хочешь узнать? Когда я, будучи примерно в таком же возрасте, как Мафей, попытался впервые в жизни раздеть даму, я запутался так, что потом шнуровку пришлось разрезать, чтобы бедняжка смогла выбраться из платья. Разумеется, мое первое свидание с дамой закончилось весьма печально. Пока я возился с ее нарядом, а потом выслушивал все, что она нашла нужным мне сказать по поводу моих умственных, а заодно и репродуктивных способностей, у меня пропало всякое стремление к

любовным подвигам. У дамы оно пропало еще раньше, и она удалилась в ярости, высказав мне на прощанье все, о чем я уже упомянул. Опозорившись таким образом один раз, я взял в библиотеке пособие по кройке и шитью, изучил все виды и способы застежек, а потом отработал все это на практике. На манекенах в мастерской придворного портного и на платьях кухни Ноны. Так что, когда несколько лет спустя мне опять выпала возможность раздеть даму, я был уже готов к сражению с ее платьем... ну вот ты уже и не плачешь. Хочешь, я тебе еще что-нибудь смешное расскажу? Да ты раздевайся, что ты остановилась, неужели тебе будет удобно спать в корсете и чулках? И зачем он тебе вообще сдался, этот корсет, у тебя и так прекрасная фигура... Что ты, вовсе он не прилагается к платью. Да в общем, какая разница, ты ведь все равно не будешь носить платья, разве что на церемонии. Вот только мне придется на старости лет заново изучать пособие по кройке и шитью... Как зачем, я ведь изучил только женские платья, разве я мог представить в те времена, что мне когда-либо придется иметь дело с мундиром лейтенанта гвардии. Правда? Точно так же, как мой камзол? В таком случае, ты меня утешила... Ах, Кира, ты прекрасна, ты восхитительна, ты в сто раз красивее моих... то есть твоих придворных дам, которых почему-то считают первыми красавицами королевства. Иди же ко мне, залезай под одеяло. Ну что ты, конечно нет, мэтр был совершенно прав насчет супружеского долга, и я ни в коей мере не склонен себя переоценивать. Но это же не повод расползтись по разным концам кровати и переговариваться издали. Для меня будет счастьем просто обнять тебя, прижаться к тебе, зарыться лицом в твои волосы и уснуть в твоих объятиях... Да нет же, почему мне должно быть больно? Мне хорошо. Я счастлив. Кира, любовь моя, королева моя, жизнь моя... Да обними меня, крепче, изо всех сил. Не бойся, не сломаюсь, это только обманчивое зрительное впечатление. Хм... раз тебе кажется, что не только зрительное, может, так оно и есть, но все равно обманчивое. Если хочешь знать, я надевал полное боевое облачение паладина и как-то не сломался под его весом. Мне даже удалось в нем ходить. А ты разве не знала? Ведь обычно первым паладином считается король, и я им был, пока Элмар героически сражался, а затем сидел в инвалидном кресле. Это уже потом я передал должность первого паладина ему, чтобы самому не позориться и чтобы у него было какое-то занятие. Ему это как-то больше идет. Себе я определил должность верховного судьи, хоть это и противоречит традициям.

А я в доспехах выгляжу как вешалка для этих самых доспехов... А что я такого сказал? Это правда, и ничего тут не поделаешь. Кира, ты издеваешься или тебе действительно кажется, что я самый прекрасный мужчина из всех, что ты встречала? Как это понимать – у тебя такой своеобразный вкус или ты встречала только уродов? О, прости, пожалуйста... Я должен был сам понять, что ты мне на это ответишь. Я люблю тебя, поэтому ты для меня прекраснее всех. Просто я как-то не подумал, что это... взаимно. Я действительно не знал. Ты ведь тоже никогда не говорила мне, что любишь... Ты совершенно права, я должен был сказать первым. Что ж, вот такой я недотепа. Зато теперь все ясно, а также хорошо и замечательно. Но почему ты опять плачешь? Да что ты, зачем же от счастья плакать? От счастья надо смеяться. А то я тебя целую, а ты вся соленая, такое впечатление, что целую морскую русалку. Даже губы соленые. Ой, Кира, не надо мне доказывать, что ты не русалка, я и сам прекрасно чувствую, что у тебя не хвост, а две прекрасные ножки... и все остальное. Я просто пошутил. Нет-нет, все прекрасно, не надо отстраняться и прятать руки, продолжай, мне это тоже нравится... О, Кира... нет, что ты, напротив... почему тебе все время кажется, что мне должно быть больно? А как, по-твоему, должен вести себя мужчина в объятиях любимой женщины? Я как-то не настолько уж болен, чтобы совсем ничего не чувствовать... Некоторые в таких случаях даже кричат.

Ты бы слышала, что Ольга со своим мистральцем творят, все окрестные коты смиренно затыкаются. О, откуда я это знаю – это отдельная история. Рассказать? Однажды я отправился в гости к Ольге... ты, наверное, знаешь, мы с ней часто виделись. Она прекрасный собеседник и собеседник, я очень люблю посидеть с ней, выпить и поболтать... Да что я тебе рассказываю, ты сама это любишь. Я не знал, что она не одна, и, оказавшись в ее комнате, попал в совершенно

идиотское положение. Мне еще повезло, что они занимались этим на кухне, а не в комнате, а то я бы вообще ввалился в самый разгар веселья. Поскольку отправился я телепортом и один, уйти у меня возможности не было. А чтобы уйти пешком, надо было выйти в коридор и опять-таки показаться им на глаза. Так что мне пришлось тихонько сидеть в комнате, пока они не закончат, и слушать их кошачий концерт... Кстати, моя... то есть наша спальня звукоизолирована. А чем тебе не понравились мои намеки? У нас впереди еще много дней и ночей, всякое может быть... Да разве это плохо? Что здесь плохого? Мне было просто завидно, если честно. Я сидел и предавался собственным мыслям. К примеру, почему я не такой красавец, как он, и почему у меня нет такой дамы, и вообще, почему в моем королевстве делают такие низкие столы... Ну что ж, значит, я извращенец. Ты меня теперь разлюбишь? О боги, Кира, что ты говоришь! Не настолько же! Это неправда! Честное слово, неправда! Не веришь, у Жака спроси. Клянусь тебе, все, что я делал предосудительного, я делал только с женщинами! Ты правда мне веришь? Хочешь, поклянусь по всем правилам? Ну спасибо. А то я уж испугался... Узнать бы, кто это придумал и распустил при дворе... Ты действительно не думаешь... ничего себе – пошутила! Я чуть и в самом деле не умер, как представил себе, что ты... Кира, ну перестань, это у тебя уже истерическое... Я больше не буду так говорить, только не плачь. Хочешь, я тебе еще что-нибудь расскажу? Тише, тише, милая, ну все ведь хорошо. Я люблю тебя, я всегда буду с тобой и никуда не денусь. Я ведь твой муж, хоть и ненормальный... Ну, может быть, тебе виднее. Жак тоже говорит, что нормальный. А Ольга считает, что ненормальный, и это правильно, потому что с нормальными скучно. А ты как думаешь? Должен заметить, королева моя, что это был не ответ, а неумелый уход от ответа, но не буду настаивать, раз ты не хочешь отвечать или не знаешь, что ответить. Я сам иногда не знаю, что сказать на Ольгины рассуждения. Итак, ты просишь рассказать тебе что-нибудь еще... а что бы тебе рассказать... мне почему-то только непристойные какие-то истории в голову лезут...

Где я взял такого шута? Нашел. Об этом как-нибудь потом, только не сегодня. Это грустная история, и ты опять будешь плакать. Давай лучше я тебе расскажу, как твои придворные дамы вчера эльфа делили. Тебе Эльвира еще не говорила? Вот ведь, раньше короля успела. Жаль. А что ж тогда?... Не признаваться же тебе в том, чем я однажды до обморока перепугал Акриллу... Она и это тебе рассказала? Спасибо, Эльвира. Не могла промолчать... Кто сейчас у Эльвиры? А она с тобой не делилась? Надо же, даже тебе не сказала... У Эльвиры сейчас мой давний друг, которого я не видел двадцать лет и очень хотел бы повстречать снова, а он что-то с этим не торопится. Я тебя с ним обязательно познакомлю, когда он появится. Почему он не приходит? Да есть у него на то причины... нет, мы не ссорились, просто... сама потом узнаешь. Успеешь еще. Он тебе сам объяснит. У нас ведь вся жизнь впереди. Может, еще будешь ездить в гости к королеве Эльвире, если все хорошо сложится. Как куда? В Мистралию, конечно. Должно же ему повезти в конце концов... Будем дружить семьями, как когда-то наши родители, и навещать друг друга, как в старые добрые времена. Подумать только, я все-таки женился! И это оказалось совсем не страшно, а очень приятно и замечательно. Ну и демоны с ней, с этой свадьбой, что мы, не посидим и не выпьем с друзьями в другой день? Зато нам не пришлось танцевать первый танец на глазах у кучи народа, и я не могу выразить, как меня это радует, потому что этого момента я ожидал с ужасом.

И ничего страшного, что в нашу первую брачную ночь мы лежим и болтаем о всяких пустяках, в этом есть своя прелесть. Ты согласна? Вот и хорошо. Не будешь больше плакать? А то у меня уже вся рубашка мокрая. Нет, не надо, зачем ее снимать? Так высохнет... Ты хочешь?... Тебе это действительно будет приятно? Ну хорошо, если настаиваешь... Ах, Кира, любимая моя... это же невозможно, лежать рядом с тобой просто так... Я начинаю сомневаться в компетентности своего придворного мага. Да шучу, конечно, но все же... Нет, что ты, это прекрасно. Мне кажется, еще немного – и я взлечу, точно как Мафей. Почему нет? С чего это у меня центр тяжести в другом месте? А в каком? Кира... Ты же дама! Ах, прости. Да, я

помню, что женился на лейтенанте гвардии. Только все равно не надо так шутить. Так обычно говорит Камилла, и мне это не нравится. О, а вот это нравится, и даже очень. Неудивительно, что мне все время лезут в голову одни непристойности. О чем же еще можно думать... Рассказать? Знаешь, Кира, я как-то не очень уверен, что у меня получится говорить тебе о таких вещах... да что ты, это же совсем другое. Вот взять, к примеру, Ольгу. Я никогда не испытывал к ней никакого влечения, даже когда видел ее в одном белье или совсем без ничего. Мы всегда были друзьями. А вот говорить с ней я могу свободно о чем угодно и совершенно не смущаясь. А с тобой получается наоборот. Что ж, раз ты считаешь, что это неправильно, попробую это преодолеть. Вот тебе непристойная история. Однажды Ольга познакомилась с Камиллой. Дело было в кафе, где дамы изволили кушать пирожные... тебе никто еще не рассказывал? Ольга, к примеру. Элмар бы не осмелился. Нет? Тогда слушай дальше. Ты, кстати, никогда не видела, как Камилла ест? Эльвира рассказывала? В таком случае тебе должно быть понятно. Вот таким образом пообщавшись с Камиллой и понаблюдав, как она ест несчастное пирожное, Ольга с Элмаром отправились куда-то на очередную экскурсию по городу, и по дороге он поинтересовался ее впечатлениями от знакомства с дамами. Ольга, как ты знаешь, девушка не особо сдержанная на язык, вполне под стать своему возлюбленному... не потому, что она такая уж порочная или плохо воспитана, просто у них так принято. И вот она заявляет моему первому паладину, что Дориана, дескать, полная дура, а вот Камилла... Кира, это ты смеешься или... Да просто я подумал, что у тебя истерика. Да, тогда-то ее Ольга и прозвала так. Что было с Элмаром? А ты у него спроси. Я затрудняюсь представить. Наверно, тоже истерика.

Кстати, Камилла знает и вовсе не обижается, а даже гордится. Ну что, достаточно неприличная история? Или тебе хотелось бы чего-нибудь покруче? М-м-м... ну ты спросила... Тебе честно сказать? Да. Ну вот, теперь и ты поняла, что я ненормальный. Есть у меня такое противоречащее всем законам приличия убеждение, что на ложе любви не бывает ничего постыдного. И я его по возможности придерживаюсь. Нет, не абсолютно, конечно... Есть кое-что, чего я так и не решился сделать ни разу, хотя очень хотелось попробовать. Не скажу. Может, решусь когда-нибудь. И давай отложим этот разговор до более подходящего случая, поскольку слов здесь будет недостаточно, а большее сегодня вряд ли получится. Просто помолчим. А то я что-то разговорился сверх меры, точно как кузен Элмар. А вроде и не пил... Тебе так удобно? Правда? Нет, просто мне всегда казалось, что должно быть жестко... Ну хорошо, не буду, не буду. Может, ты спать хочешь, а я тут болтаю?... Я? М-м-м... не знаю, стоит ли... Ты не будешь плакать, если я скажу? Я очень хочу спать, но мне страшно. Что ты, бояться я давно научился. Вовсе нет, это не Жак меня научил. Сказать честно? Ты. Не удивляйся, в этом нет ничего странного. Я знаю, что ты самая отважная из женщин, и вовсе не имею в виду, что ты вдохновила меня личным примером. Просто первый настоящий страх, который я испытал в жизни, был страх потерять тебя. А Жак... он научил меня плакать. О том, как Элмар научил меня смеяться, ты уже знаешь. А любить... хорошо, я скажу тебе по секрету. Любить меня научил один наш общий знакомый, которого ты называешь не иначе, как бесстыжим. Как? Разве ты не знаешь, что он эмпат? Вот так. Стихийной эманацией.

И что самое смешное, он и сам это не знает. О нет, это было очень давно. Я бы тебе рассказал, но... нет, не в том дело. Сейчас такой момент, когда я способен на любую откровенность, и мог бы говорить тебе о чем угодно... о себе. Но не о других. А это его тайна. Кира, нехорошо ловить людей на слове. Неужели тебе действительно так хочется слушать о женщинах, которых я любил раньше? Ты находишь уместным, чтобы в первую брачную ночь я рассказал тебе о трех мертвых женщинах? О, ты опять плачешь... не надо мне было уточнять, что они умерли... Давай как-нибудь потом об этом поговорим, если ты так уж хочешь знать обо мне все. А сейчас успокойся, и давай все-таки попробуем уснуть. Ты устала, у тебя был ужасный день, тебе надо хоть немного поспать. Да не переживай обо мне, что со мной может слу-

читься? Сейчас соберу остатки своего бывшего мужества и попытаюсь убедить себя, что ничего страшного и что утром я проснусь, как всегда. Не плачь, любимая. Все будет хорошо...»

Глава 4

*Завтрак был скромный – немножко мармеладу, намазанного на
соты с медом.*

А. Милн

Когда Кира поскреблась в дверь к подруге, в комнате случилась небольшая паника, затем голос Эльвиры испуганно отозвался:

– Кто там?

– Это я, – ответила королева, оглядываясь по сторонам. – Открой скорей.

– Кира... – с ужасом и смущением откликнулась Эльвира. – Я... я не одна... У меня тут мужчина... и он без штанов...

– Открывай скорее! – рассердилась Кира. – Можно подумать, я мужчин без штанов не видела! У тебя под дверью стоит королева в неподобающем виде, а ты неизвестно о чем переживаешь!

– Да открывай, – посоветовал незнакомый мужчина без штанов. – Ничего страшного. Женщин-воительниц действительно не принято стесняться. Могу поспорить, что ее товарищи по оружию не стесняются даже отливаться в ее присутствии.

– И не только, – проворчала Кира. – Скорее, пока меня никто не застукал.

Задвижка шелкнула, и смущенная Эльвира открыла дверь, пропуская подругу в комнату. В следующую секунду смущение на ее лице сменилось улыбкой и она тихо хихикнула, увидев, в каком виде пребывает ее величество.

– Ты что, так по дворцу шла? – спросила она.

– А что я должна была, в одних трусах разгуливать? – огрызнулась Кира, захлопывая дверь за собой и созерцая обещанного мужчину без штанов. Мелкий черноголовый мистралиец сидел на корточках и раскладывал на коврик свои штаны, явно намереваясь их погладить. Правда, непонятно чем. – Что нашла, то и надела. Свадебное платье без посторонней помощи не застегнуть, а штаны любимого супруга мне в бедрах не сходятся. Пришлось в его халате переться через весь дворец. Хорошо еще, что никого, кроме стражи, в коридорах пока нет.

– Я одолжу тебе свое платье, – пообещала Эльвира. – Как же ты не догадалась какую-то одежду перенести сюда? Ты ведь все равно должна была остаться во дворце, даже если бы свадьба прошла как положено. Вот знакомься. Это... это Орландо. А это Кира.

– Я ее помню, – улыбнулся мистралиец и поднял голову. – А вы меня помните, ваше величество?

– Еще бы... – потрясенно выговорила королева, опускаясь в кресло. – Что ж, ты не особенно повзрослел за столько лет...

– Вот такие мы, потомки эльфов, – развел руками Орландо и снова одарил ее неотражимой улыбкой. – Медленно взрослеем. Раздаем предсказания, не заботясь о последствиях. Зато имеем возможность видеть, как они сбываются. Вы, наверное, хотели с Эльвирой пошутиться о своем, о женском? Я вас сейчас оставлю, только штаны доглажу.

– Ты же не завтракал, – сочувственно посмотрела на него заботливая дама сердца.

– Дома поем, – отмахнулся потомок эльфов и зачем-то вытянул перед собой правую руку. – Как там Шеллар?

– Спит, – чуть улыбнулась Кира. – А ты откуда знаешь?...

Мистралиец побрызгал водой на разложенные штаны и осторожно провел по ним ладонью. Влажная ткань зашипела, и над ней взвилось облачко пара.

– Это мы с Жаком и Мафеем совершили кражу со взломом, чтобы добыть тот самый антидот, поэтому я знаю все.

– Кира, – засмеялась Эльвира, – ты что, никогда не видела, как маги гладят штаны?
– Где я, по-твоему, могла это видеть? – резонно заметила Кира и снова обратилась к мистральицу: – Так ты еще и маг?

– Немного, – подтвердил тот, приступая ко второй штанине. – Я сейчас, еще минутку.

– А зачем ты так торопишься? Не уходи. Давайте в самом деле позавтракаем вместе и поговорим. О женском мы еще успеем... Эльвира, ты мне обещала платье. Что, мне так и придется завтракать в мужнином халате? Слуги обхохочутся.

– Знаете, дамы, – сказал Орландо, натягивая штаны, – я вас все-таки оставлю на время. Королеве надо одеться, мне надо сбегать к себе и проверить обстановку, опять же сейчас сюда явятся слуги с завтраком – и мне все равно придется прятаться. Лучше вернусь через полчасика, позавтракаю с вами... и, наверное, схожу все-таки поздравлю Шеллара, если он к тому времени проснется.

– Решил сегодня? – улыбнулась Эльвира.

– Да я так подумал, раз мне все равно попадет за сейф, за общение с Жаком, за нарушение дюжины всяких дурацких правил, так пусть уж мое появление при дворе Шеллара пойдет в общей куче со всем остальным, чем потом мне за него отдельно вставят, – пояснил мистральец, улыбнулся дамам и исчез в сером облачке. Эльвира улыбнулась ему вслед и сразу же повернулась к Кире. В глазах ее горело неутолимое любопытство.

– Ну? – спросила она, вся подавшись вперед и сверля подругу пытливым взором. – Как?

– Выспалась, – ответила королева. – А ты вообще о чем?

– Да, собственно, о чем это я... – разочарованно вздохнула Эльвира. – Какой уж секс после такой свадьбы...

– Вот именно. Озабоченная ты какая-то, моя первая дама. Давай уж платье.

– Выбери, – щедро предложила Эльвира, распахивая шкаф. – Ну а вообще как он?

– «Вообще» – это в смысле как он себя чувствует или как он мне понравился?

– Второй вопрос снимается как дурацкий. А то я не знаю, что он тебе и раньше нравился, а теперь уж...

– Нет, почему же, – возразила королева, перебирая платья и выискивая что-нибудь попроще. – Вчера вечером я узнала о своем супруге много нового, так что вопрос не дурацкий. Мы с ним пообщались немного перед сном. Какой он все-таки чудной... я не имею в виду, что это плохо, но я поняла, почему Ольга всегда на него смотрит с таким умилением. Сегодня утром я поймала себя на том, что и сама смотрю на него точно так же. Вот это можно?

– Конечно, – кивнула Эльвира. – Давай помогу тебе одеться. Ну-ну, и что дальше? Или лучше по порядку расскажи.

– У меня после вчерашнего полная каша в голове, никакого порядка, одни впечатления.

– Хоть скажи для начала, как он там. Говоришь, вы пообщались, значит, он был в состоянии разговаривать?

– Вполне. Он чуть ли не до полуночи меня всячески утешал и развлекал. Он и так не особо молчалив, а вчера вообще. Такое впечатление было, будто он немножко... не совсем трезв. То ли от счастья, то ли от потрясения, то ли все вместе...

– И что он тебе говорил? – полюбопытствовала Эльвира.

– Объяснялся в любви и обещал, что все будет хорошо. Я очень надеюсь, что это он серьезно и что он больше не будет, как выразился мэтр, подставляться под различные метательные орудия.

– А что ты узнала о нем нового? Все, можешь садиться, готово. Надо же, как на тебя шито. Неужели мы с тобой такие одинаковые?

– Вовсе нет, я немного выше. – Кира опустила в кресло, помянув при этом недобрым словом идиотские подолы, и потянулась к шкапулке с сигаретами. – А узнала... О том, что мой супруг невероятно застенчив, я знала и раньше, но никогда не думала, что он настолько себя не

любит! Будь моя воля, я бы разогнала к демонам всех твоих подружек-подчиненных. Причем пинками. Это они, кобылы породистые, причина тому, что бедный король всерьез убежден, будто он смешон и безобразен. Ну это же неправда, Эльвира, согласишься.

– Частично, – уклончиво пожала плечами подруга. – Только какой смысл разгонять придворных дам? За время его правления они тут уже четырежды полностью сменились. Да и я, если честно, тоже не особо его...

– Не знаю, – нахмурилась Кира. – Мне кажется, ты просто как-то неправильно себя повела и он на тебя за что-то обиделся. Этель была совершенно права. Он такой... такой... нежный, ласковый... А по нему и не скажешь...

– Все к лучшему, – философски заметила Эльвира. – Если бы его любили другие, он бы не достался тебе, так что все к лучшему, и это тоже. А платье он сам с тебя снимал?

– А что?

– Просто я всегда поражалась, как он шустро с ними управляется.

– А он тебе не рассказывал? – засмеялась Кира.

– Нет. С чего бы он со мной откровенничал на такие темы? А что, это какая-то интересная история?

– Я тебе в другой раз расскажу. Лучше прикажи подавать завтрак, а то вернется твой «мужчина без штанов», а тут еще ничего не готово.

– Он уже в штанах, – возразила Эльвира и отправилась распоряжаться насчет завтрака. По возвращении она хотела было продолжить расспросы о впечатлениях ее величества от ее замужества, но Кира перебила ее на полуслове:

– Я еще успею рассказать. Лучше поведай мне о своем прекрасном принце, пока он не вернулся. Я ведь правильно поняла, это и есть тот самый Орландо, последний из королевской семьи Мистралии?

– Правильно, – вздохнула Эльвира. – Тот самый. Правда, он мне признался только сегодня, да и то после того, как я его прижала. А ты что, сразу его узнала?

– Конечно. Я его очень хорошо запомнила. А ты нет? У тебя зрительная память никуда не годится. Или просто он тогда произвел на меня незабываемое впечатление? Не знаю... Но кто бы мог подумать, что мы с тобой подавали милостыню особе королевской крови?...

– ...И что, когда-нибудь он явится, чтобы лично позаботиться о своем предсказании?...

– А как он объявился? Где ты его встретила?

– Вот здесь, в этой комнате. Он учился телепортации и все время попадал не туда, куда собирался. Однажды оказался здесь.

– И очаровал тебя с первого взгляда, – подмигнула Кира подруге.

– Скажешь тоже! – захохотала Эльвира, вспомнив обстоятельства знакомства с господином Карлсоном. – С первого взгляда мне стало его жалко. Он был оборванный, чумазый и очень несчастный. Еще и голодный к тому же. А очаровал он меня уже потом, когда умылся, слопал мой ужин и начал улыбаться и разговаривать. Ты же видела, как он улыбается.

– Да, я помню это с тех пор. Очень обаятельный парнишка... Хотя какой он парнишка, если он старше нас лет на десять?...

– На двенадцать, если точно. Просто так выглядит. Он полуэльф, как Мафей.

– Он сам тебе это сказал?

– Не только. Я даже имела честь лично общаться с его бабушкой. Помнишь, я тебе рассказывала...

– Про пьяных эльфов? Как же, помню, – хихикнула королева. – Ну и какие у вас планы на будущее? Он уже обещал тебе руку и сердце, как вернет себе корону?

– Почему – обещал? Он звал меня замуж уже сейчас. Вчера, если точнее. Наверное, вашим примером вдохновился.

– И что ты?...

– Подожду.

– А если еще лет десять ждать придется? – удивилась Кира. – Тебе ведь уже не семнадцать. Что тебя смущает? Или тебе обязательно подавай полноценного короля?

– Да необязательно, но я бы все же хотела нормальную свадьбу, как у людей, а не тайный обряд, и хоть какое-то жилище, чтобы растить детей, которых этот нахал желает иметь пять штук.

– Эльвира, – вздохнула королева, сразу как-то погрузнев, – разве это так важно?

– Может, тебе это кажется несущественным, потому что у тебя это все есть. А для меня немаловажно.

– Ты не права, – серьезно сказала Кира. – Это действительно не самое главное. И не потому, что у меня это все есть. Я поняла это вчера. И если когда-нибудь, не доведете боги, тебе придется пережить то же самое, ты тоже осознаешь, что величие дворцов, сияние короны, вкус власти и прочие житейские прелести – все это мелко и незначительно. А единственное, что действительно важно, – это человек, который умирает у тебя на руках. И ты отдала бы все, лишь бы он жил.

– Типун тебе на язык! – испуганно перебила ее Эльвира, видимо представив себя на месте подруги.

– Ну ладно, не буду... А что касается пятерых детей... Это, конечно, чересчур, но его тоже можно понять. Он последний и единственный, случись с ним что – и у него даже нет наследников.

– А сама ты хотела бы иметь пятерых? – коварно поинтересовалась Эльвира.

– Ни в коем случае. Я очень надеюсь, что мальчик получится сразу. Хотя, и девочку можно воспитать соответственно...

– Это если она пойдет в тебя или в отца. А если получится как принцесса Нона? Жак как-то говорил, что на детях гениев природа отдыхает...

– Это тебе типун на язык! – рассердилась королева. – Не может такого быть! У этой придурочной принцессы, про которую я уже слышана, что-то было не в порядке по материнской линии. К нашим детям это не имеет отношения.

– Да ты свою сестру Элизу вспомни! У тебя родители тоже не дураки, а получилась же.

– А ты вспомни свою маму, – злорадно напомнила Кира.

– Да уж, – усмехнулась Эльвира, – у меня была чокнутая матушка и отец-картежник. У Орландо мама была гулящая, а папа и вовсе эльф... представляешь, какие у нас должны быть дети? Тут не то что пятеро, десяток придется склепать, пока хоть один нормальный получится...

– Кстати, – усмехнулась Кира, – по какой линии он наследует трон? По матери или по отцу, который его отцом не является?

– По матери. Принцесса Габриэль была сестрой короля Ринальдо. А ты что, усть меня хотела таким образом?

– Да нет, просто похихикать над судьбой. А он тебе ничего больше не предсказывал?

– Нет. Сказал, что сейчас у него не получается. Да он сам о себе расскажет – если не сейчас, то потом, когда будет с королем беседовать. Лучше попробуй привести мысли в порядок и расскажи, как там вчера...

Кира расстроено махнула рукой:

– Придурочные подданные у моего мужа – все, что я могу сказать. Как тебе нравится, два раздолбая у ложа умирающего спорят на десять щелбанов, поможет лекарство или нет! Убила бы!

– А кто это усомнился? – подивилась Эльвира.

– Этот великий целитель, императорский подарок.

– А, не обращай внимания, что ты хочешь, экзотичные обычаи Востока... Да и вообще, врачи на этот счет все немного циники. Вспомни доктора Кинг. Так что, на десять щелбанов? Это Жак его научил?

– А кто же еще! Что самое интересное, Жак это рассказал Шеллару и в его присутствии настучал преподобному Чену по лбу. Представляешь, Шеллар ничуть не возмутился, что его жизнь оценили в десять щелбанов, а, напротив, расхохотался.

– О, это на него похоже, – улыбнулась Эльвира. – Ты бы слышала, как он веселился, когда ему заранее сделали гроб...

– Когда это?

– А помнишь, когда его ранили... Ну тогда, в первый день весны? Кто-то что-то недопонял, кому-то не так доложили, где-то бюрократическая машина не сработала, в общем, сделали его величеству гроб. А когда оказалось, что излишне поторопились, нашего распорядителя церемоний чуть кондратий не хватил. Бедняга так суетился, пытаясь скрыть этот досадный конфуз, но, оказалось, напрасно. Жак моментально королю все разболтал, а тот ужасно разведелся и даже похвалил беднягу за расторопность. Гроб же велел спрятать.

Тут разговор пришлось прервать, поскольку явились слуги с завтраком, а вместе с ними в дверь протиснулась перепуганная хинская невольница.

– Доброе утро, госпожа Эльвира, – старательно выговорила она. – Доброе утро, госпожа ваше величество. Можно спросить вопрос?

Эльвира со вздохом поправила:

– Не «спросить вопрос», а «задать вопрос». Или просто «спросить». И не «госпожа ваше величество», а просто «ваше величество». Или «госпожа» и дальше по имени.

– Извините, можно просто спросить?

– Что ты хотела?

– Госпожа Анна сказать, есть такой обычай хоронить всех невольников, когда господин умереть. Это есть так? Когда господин умереть, Сюань хоронить вместе?

– Сиськи оторвать госпоже Анне за такие шуточки! – рассердилась Эльвира. – Неправда, Сюань, не слушай ее. Нет у нас такого обычая, и вообще не может быть, потому что у нас не принято держать невольников. Не бойся и не переживай. К тому же его величество жив и вовсе не собирается умирать.

– Кто эта госпожа Анна с таким чудным чувством юмора? – поинтересовалась Кира.

– Герцогиня Дварри, – пояснила Эльвира.

– Эта дура в перьях? – возмутилась «госпожа ее величество». – И ты ее слушаешь? Сюань, иди сейчас к этой шутнице и скажи, что она удалена со двора, потому как королева не желает ее видеть. Чтобы сегодня же ее здесь не было.

– Слушаюсь, госпожа, – поклонилась Сюань и быстренько протиснулась в дверь.

– Кира, ты серьезно? – ахнула Эльвира.

– Серьезно. Я вот еще до Камиллы доберусь.

– Не трогай ты Камиллу. При дворе кроме короля мужиков хватает, и они все будут безутешны. Да и... как ты думаешь, он не обидится, если ты будешь выгонять всех без его согласия?

– Если он будет против, скажу, что пошутила, – проворчала Кира. – Пусть эта горе-варварка на своей шкуре почувствует, что такое хорошая шутка. Но вообще-то хоть одну бы надо выгнать, чтобы другие осознали.

– Госпожа Анна! – донесся из коридора жизнерадостный голосок Сюань. – Госпожа ее величество сказать, вы дура в перьях и она оторвать вам сиськи и отставить от двора, потому как не желает вас видеть!

Затем что-то глухо бумкнуло и в коридоре засуетились. Королева и ее первая дама переглянулись и дружно расхохотались, представив себе, как герцогиня Дварри рухнула в обморок посреди коридора.

За этим занятием и застал их принц Орландо, вернувшийся, как и обещал, прямо к завтраку.

– А что у вас веселенького? – поинтересовался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.